

Маги начинают и выигрывают

ИРИНА ЗМАЙЛОВА

ПРИНЦЕССА
С РЕВОЛЬВЕРОМ

Annotation

Четыреста лет назад планету перевернула Катастрофа: после очередного магического эксперимента силы природы пошли вразнос, материки поменяли очертания, а выжившие люди пытаются приспособиться к сдвинувшемуся миру.

Генри Монтроз, нанятый владельцами одной из правящих корпораций, должен отправиться на запретные Территории в поисках залежей металла, способного лишать магов их способностей, а заодно отыскать заколдованный замок со спящей принцессой.

Найти искомое не так сложно, но вот выбраться с Территорий, когда на хвосте висят конкуренты, когда против тебя не только техника, но и древнее волшебство, оказалось гораздо сложнее...

Кира Измайлова

Принцесса с револьвером

© К. Измайлова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

1

– Так чем же ты намерен удивить меня на этот раз? – Ивэйн Хоуэлл искоса взглянул на собеседника. – Вид у тебя такой, будто ты припас для нас сделку на несколько миллионов...

Он улыбнулся собственной незамысловатой шутке, взял с низкого полированного столика бокал с зеленоватым искристым вином, второй передал гостю. Глава корпорации мог позволить себе угощать посетителей «Душой русалки» десятилетней выдержки не только по праздникам. Тем более таких дорогих гостей.

– О, пустяки, – наигранно вздохнул Рональд Хоуэлл, младший компаньон Ивэйна, его брат-близнец. – Всего лишь один любопытный слух...

– Рон, твоя манера вести беседу когда-нибудь сведет меня с ума, – заметил тот. – Ты ведь сейчас не партнеров уговариваешь. Выйди из роли хотя бы со мной!

– Почему-то ты до сих пор уверен, что это – роль, – улыбнулся Рональд. – Тебе не приходило в голову, что все может оказаться с точностью до наоборот? – Не дожидаясь ответа (этот разговор велся между братьями не в первый и, уж конечно, не в последний раз), он продолжил: – Хорошо, постараюсь сберечь твои и без того истрепанные нервы и буду краток. Итак...

Он сделал паузу и поудобнее устроился в глубоком кресле. Ивэйн терпеливо ждал, пока брат заговорит. Переделать Рональда было невозможно, за сорок с лишком лет он в этом убедился, а попытки как-то повлиять на близнеца предпринимал разве что по привычке.

Хоть братья Хоуэлл и были близнецами, найти более несхожих людей оказалось бы непростой задачей. Внешне они, как и полагается близнецам, походили друга как две капли воды. Они даже одевались одинаково и, появляясь на крупных мероприятиях, старались не слишком отличаться поведением. Наемный убийца наверняка бы промедлил хоть секунду, решая, кто из близнецов Ивэйн, а кто Рональд, бывали уже... прецеденты. А секунда – она порой дорогого стоит!

Различие их проявлялось в характере и складе ума. Ивэйн – напористый, но расчетливый, осторожный и крайне изворотливый, рано проявил склонность к делам корпорации, в чем его, разумеется, всячески поощрял отец. Едва разменяв четверть века, Ивэйн уже получил репутацию акулы делового мира и заработал свой первый миллион. К тридцати годам он разделался со своими конкурентами внутри корпорации. С теми, кого не сумел привлечь на свою сторону или запугать, он поступил очень просто и очень наглядно – новых желающих оспорить право Ивэйна Хоуэлла числиться преемником главы корпорации не нашлось. Вскоре вождь денный плод упал прямо ему в руки: убийца, нанятый

конкурентами, подстрелил старика прямо на улице (злые языки утверждали, что к этому причастен сам Хоуэлл, которому надоело ждать), и Ивэйн сделался самым молодым главой корпорации за всю ее историю. В этом качестве он пребывал и по сей день.

Рональд, словно в противовес старшему брату (тот родился всего лишь на несколько минут раньше), тягой к подобным свершениям не обладал. О, он легко постигал науку делового мира, но лидером не был. Его больше интересовало то, что скрывается за теми или иными поступками окружающих, подоплека происходящего, и в искусстве извлекать на свет божий разнообразные тайны (порой стоящие внимания, порой мелкие и грязные) Рональд весьма преуспел. Информация – вот что было ему нужно, и эту свою тягу к знаниям определенного рода он вполне успешно удовлетворял. Разумеется, старший брат прекрасно знал об этом и легко поставил умения Рональда на службу своим интересам. Тот не возражал: если старшего Хоуэлла привлекала реальная, зримая власть, выраженная в уважении окружающих, в звонкой монете, в обширных владениях корпорации, одной из могущественнейших в обитаемом мире, то младшему больше нравилось держать в руках все ниточки, зная, что в любой момент он может потянуть за одну из них, и тогда... Он и тянул, когда то было нужно Ивэйну.

По сути, у корпорации было двое руководителей – более чем необычно для мира, в котором нельзя поворачиваться спиной к ближнему своему, даже если он твой родной брат. Никогда не угадаешь, когда тому взбредет в голову нанести удар... особенно если он знает тебя как самого себя! Многие с недоумением выслушали решение Ивэйна Хоуэлла о разделении полномочий с младшим братом и принялись ждать, когда же два сильных паука не смогут больше ужиться в одной банке. Делали даже ставки на то, кто останется в живых. Большинство выбирало Ивэйна, но некоторые, поразмыслив, ставили на Рональда – тот, по их мнению, вполне мог обвести братца вокруг пальца.

«Пауки», однако, пожирать друг друга не собирались, сосуществовали вполне мирно и более чем плодотворно: за годы их совместного управления корпорация подмяла под себя двух или трех конкурентов помельче и теперь точила зубы на равного по силам соперника. Дело шло небыстро: Рональд по крупицам собирал информацию, кропотливо просеивая официальные данные и самые невероятные слухи в поисках чего-то действительно ценного, тогда как брат занимался насущными проблемами.

Видимо, в этот раз Рональду удалось раскопать нечто любопытное...

– Ты слышал о новом месторождении? – спросил он, наконец.

– Золото? – заинтересовался Ивэйн.

– Что золото! – поморщился Рональд. – Вон, в Московии крышу на Дворце Торговли вызолотили, что он, краше от этого стал, что ли? Я о тех залежах эринита, что открыли недавно.

– А, о нем, – кивнул Ивэйн. Еще бы такая новость прошла мимо него! – Но оно на территории «Кармайкла», не думаю, чтобы нам удалось урвать хоть что-то!

– Я вовсе не об этом, – поморщился Рональд при упоминании названия корпорации-конкурента.

– О чем тогда?

– Сам понимаешь, ученая братия так и ринулась туда. – Рональд прикрыл глаза. Веки у него, как у всех Хоуэллов, были тяжелые, что придавало ему вечно усталый и немного сонный вид. – Таких открытий много лет не совершали, было чем поживиться...

– Они что-то раскопали? – напрямик спросил Ивэйн, зная, что брат может еще долго

ходить вокруг да около. Его только на переговоры выпускать!

– Раскопали они эринит и ничего более, – усмехнулся Рональд. – Но нашелся среди них один неглупый человек, который дал себе труд приглядеться к месторождению повнимательнее.

– И что? – Старший Хоуэлл насторожился.

– Месторождение-то слабое, – вздохнул Рональд и налил себе еще. Братья знали толк в напитках и никогда не отказывали себе в удовольствии посмаковать дорогое вино. – Можно сказать, осколок. Хвостик.

Он развел пальцы примерно на дюйм, показывая, какого именно размера месторождение досталось корпорации «Кармайкл», их давнему и непримиримому сопернику.

Ивэйн молчал, ожидая продолжения. Кое-что уже пришло ему на ум, но он предпочитал, чтобы брат высказался до конца.

– Так вот, – сказал тот. – Этот человек провел кое-какие исследования, после чего с уверенностью заявил: тот клочок земли, где нашли эринит, забросило туда во время Катастрофы. Я видел отчеты, он не ошибается: в тех краях совершенно иной состав почв, да и жила эринита... оканчивается, будто ножом срезана.

Ивэйн кивнул. Он знал таких ученых: много десятилетий они пытались восстановить изначальную картину мира, фрагменты которой во время Катастрофы перемешались, будто осколки мозаики. Иногда им даже удавалось понять, какой фрагмент находится не на своем месте и откуда он взялся на самом деле. Но что толку? Вернуть их обратно все равно нет никакой возможности, да и ни к чему это...

– Ну хорошо, – медленно произнес он. – Это ничего не значит. В конце концов, земля, на которой мы сейчас находимся, если верить исследователям, тоже была перемещена невесть откуда.

– Ты не прав, – тонко улыбнулся Рональд. – В данном случае это значит не так уж мало. Видишь ли, – он прикоснулся губами к вину, довольно улыбнулся, и брат не понял, была ли эта улыбка знаком удовлетворения вкусом напитка или же предвкушением той новости, что Рональд готовился поведать, – я давно приглядываю за этим ученым. Он немного не в себе, как большинство из них, но голова у него варит неплохо. Он не просто установил, что эринитоносный участок угодил на то место откуда-то еще. Он вычислил, откуда именно...

Ивэйн подался вперед, охваченный предвкушением. Брат не стал бы говорить подобного просто так. Значит...

– Откуда же? – спросил он отрывисто.

Рональд встал, неторопливо пересек большой кабинет, порылся на полке, вернулся и развернул на столике карту обитаемого мира.

– Вероятнее всего, из этих краев, – указал он на залитое бледно-зеленой краской обширное пятно.

– Почти самое сердце Территорий... – нахмурился Ивэйн. – Но как он может быть уверен?

– Он... не вполне уверен, – усмехнулся Рональд. – Стопроцентной гарантии он, разумеется, не даст. Однако... есть некоторые детали, по которым он может утверждать, что *предположительно* это именно то место...

– Какие именно детали? – В старшем Хоуэлле проснулся делец, желающий знать все подробности намечаемой сделки. – На чем основываются его предположения? Кстати, как

зовут этого твоего человека?

– Стефан, – ответил тот и под испытующим взглядом близнеца добавил неохотно: – Тоув Стефан.

– Вот как... – Ивэйн нахмурился. Иметь дело с подобными людьми он не любил, хотя и приходилось частенько – крупной корпорации никуда без тех, кто именовал себя тоувами. – Так что там с предположениями?

– Он давно занимается подобными проблемами, – невозмутимо продолжал Рональд. – Не буду вдаваться в тонкости, но, по его подсчетам, если то, что захватил «Кармайкл», – всего лишь окончечность месторождения, то само оно должно быть во много раз крупнее.

– Во много раз? Во сколько? В два, в три? – насмешливо прищурился Ивэйн.

– В десятки, – спокойно ответил Рональд, и улыбка исчезла с лица старшего брата.

Эринит! Редкий минерал, невзрачный, трудный в обработке, безумно дорогой, но... Он стоил любых денег. Потому что...

Убить мага обычному человеку практически невозможно. Они – даже зеленые ученики – заращивают любые раны и нейтрализуют любой яд. Но добавь эринит в сталь при варке, и сделанный из нее кинжал проткнет мага, как простого смертного, а тот не сможет применить ни одного из своих трюков. Надень на него наручники из эриниевой стали, и он не сумеет освободиться мановением руки или испепелить стены своей темницы. Подсыпь ему в еду немного истолченного эринита, а после трапезы делай с ним что хочешь. Можешь отравить, можешь зарезать: он не почувствует яда и не ощутит угрозы. Просто потому, что эринит начисто блокирует магические способности. На время, не навсегда, но много времени и не требуется, если хочешь сотворить что-нибудь с магом...

У Ивэйна имелся кинжал из эриниевой стали, купил однажды. Просто так, на всякий случай. Но вот беда: эринит со временем теряет свои особенности, и вскоре этот кинжал ничем не будет отличаться от любого другого оружия.

Маги знают об этом свойстве столь опасного для них минерала, уж они-то изучили его вдоль и поперек! Знают, что пока у стрелков корпораций имеются пули с эринитом, пока в тюрьмах их ждут кандалы из эриниевой стали, им даже думать нечего поднимать голову, но рано или поздно и без того скудные запасы редкого минерала истощатся, и тогда... Маги подождут. Они живут очень, очень долго, обычному человеку столько и не снилось...

Купить новый кинжал встанет крайне дорого, вот о чем думал Ивэйн. Но если в распоряжении его корпорации будет месторождение эринита, пусть не в десять раз превышающее по запасам минерала то, что досталось конкуренту, а хотя бы равное ему, то... Остальным придется потесниться. Ибо то, что магов нельзя заставить сделать за деньги (а им платили очень и очень щедро, лишь бы не переметнулись к конкурентам!), вполне можно вынудить сотворить, когда у тебя достаточно оружия. Непростого оружия...

– Этот Стефан уверен? – спросил Ивэйн брата. Тот с интересом наблюдал за ним, видимо, пытаясь отгадать ход его мыслей. А может, и нет: в конце концов, Рональд знал его не хуже, чем себя самого, особой нужды гадать не было.

– Насчет размеров месторождения – да, – ответил он. – Насчет его расположения... Скажем, процентов на шестьдесят, не более.

– Тот участок ведь тоже могло забросить хоть на Черный континент, – скривил губы Ивэйн.

– Не узнаю тебя! – усмехнулся Рональд. – Я ведь говорю – шестьдесят процентов. Это больше половины, Ив. Да и... есть кое-что, о чем я не успел рассказать.

– Ну же, не томи!

– Я ведь сказал, кто такой Стефан, – произнес Рональд. – Он по молодости занимался исследованиями Территорий.

– Видно, безуспешно...

– Ну отчего же? Кое-чего он сумел достичь, – хмыкнул младший близнец. – Лишился ноги, к примеру... Но я не о том. Он забирался довольно далеко в глубину Территорий, это во-первых. Во-вторых, как обычно поступают тоувы, несколько лет изображал шамана в племени карау. Они-то заходят намного дальше, чем осмеливаются сунуться цивилизованные люди... А поскольку шаманов своих слушаются, то приносили оттуда кое-что. – Он усмехнулся. – Могу представить, как недоумевали храбрые воины, когда им велели взять пробу грунта!

– Да уж, – проворчал Ивэйн. – Выходит, сошлось одно к одному?

– Именно. Те образцы почв, что имеются у Стефана, и те, что на новом месторождении, совпадают. Но я бы на твоём месте не слишком обольщался, – предостерег Рональд, видя, как разгорается в глазах брата хищный огонек. – Я времени даром не терял и навел справки. Здесь, – тонкий сухой палец снова уткнулся в центр зеленого пятна на карте, – когда-то находилось несколько государств. Ну да ты тоже учил историю, должен помнить...

– Не понимаю, к чему заучивать то, что случилось до Катастрофы, – буркнул Ивэйн, но продолжал слушать с большим вниманием – Рональд никогда ничего не говорил просто так. – Но кое-что я могу припомнить. Какие-то карликовые королевства и княжества, да?

– Положим, некоторые были поменьше нашей зоны влияния, – хмыкнул Рональд, – но это не имеет значения. Если мои и Стефана изыскания верны, то месторождение должно находиться на территории одного из таких королевств.

– И что? – приподнял бровь старший брат. – Какая разница?

– В сущности, никакой... – дернул плечом его компаньон. – Но ты не слишком обольщайся. Подсчеты подсчетами, но, как ты верно подметил, во время Катастрофы могло унести и остальную часть месторождения.

– Будем надеяться на лучшее. – Ивэйн, усмехнувшись, снова разлил вино по бокалам.

– Собираешься отправить туда кого-нибудь?

– Разумеется. – Глава корпорации покачивал бокал в ладони. «Душу русалки» надлежало пить чуть согретой, иначе не раскрывался полностью тонкий вкус вина. – Ты что-то имеешь против?

– Ни в коем случае. Хотел лишь предупредить, что Стефан, как любой тоув, совершенно не умеет держать язык за зубами. О его открытии должен знать весь мир, – развел руками Рональд.

Ивэйн, недовольно нахмурившись – на высоком лбу залегла глубокая складка, – задумался. Тоувы, маги-недоделки, или, как они предпочитали себя именовать, «лица с ограниченными магическими способностями», чаще всего подвизались в роли исследователей, ученых. Некоторые, впрочем, шли в деревенские колдуны или вон в шаманы, там от них, по мнению Хоуэлла, проку было больше, а головной боли – меньше. Увы, так поступали немногие, а остальные из кожи вон лезли, чтобы если не изобрести что-нибудь (этим занимались нормальные маги), так хоть раскопать в прошлом какую-нибудь диковину, доказать, что и они на что-то годны, раз уж не довелось стать полноправным магом...

Естественно, тоув Стефан развонил всему свету о своем эпохальном открытии. Маги уже точно знают. Конкуренты, скорее всего, тоже.

Не отправить в глубь Территорий никого нельзя. Просто нельзя: если кто-то из конкурентов поверит Стефану, если месторождение действительно существует... Весь барыш достанется тому, кто успеет первым. Земли-то ничейные, дикарей-кочевников можно не считать, значит, начнется гонка – кто успеет застолбить участок вперед других! Так было во времена «золотой лихорадки» в южной части Московии, только там дело осложнялось еще и тем, что местные вполне успешно гоняли чужаков со своих исконных земель. Чихать они хотели на корпорации, и то, что в итоге удалось договориться с ними миром, можно отнести к величайшей удаче современного предпринимательского искусства! Другое дело, что ленивые москвиты драли совершенно непристойные налоги с чужих разработок (лишь бы самим ничего не делать, как полагал Хоуэлл), а верховое золото скоро иссякло, и, сколько ни били шурфы, ничего больше не нашли... В барыше остались разве что скоробогатые старатели да хитрые (или просто более осведомленные) москвиты, у которых корпорации, пожадничав, арендовали эти земли на сто лет вперед. С ежегодной индексацией арендной платы, разумеется...

Итак, придется отправлять людей. Не одну команду, так надежнее. Хороших специалистов, несколько бойцов – мало ли, что может случиться в пути. Это все-таки Территории, а не парк при резиденции главы корпорации! И даже если конкуренты пока не знают об открытии Стефана, их соглядатаи непременно заметят подозрительную активность конкурента. Не могут не заметить, им за это платят, и щедро.

Ну, заварится каша! Ни одна корпорация не упустит возможности зажать магов в эриниевый кулак. Тут тебе и выгода, и безопасность... Похоже, грядут серьезные стычки, союзы будут заключаться самые неожиданные, а давние партнеры перегрызутся насмерть... Даже если не найдется на тех задрипанных землях никакого эринита, назад уже будет не отыграть.

Куда ни кинь, всюду клин, хмыкнул Ивэйн. Поднял взгляд на брата – словно в зеркало посмотрел. В глазах Рональда плясали огоньки, будто он приберег какую-то новость про запас. Насколько Ивэйн знал брата, так оно и было.

– Что-то еще? – осведомился он.

– Да, – ответил тот, скрывая усмешку. – Я, видишь ли, в отличие от тебя всегда интересовался древней историей. Собрал неплохую библиотеку...

– Я в курсе. – Ивэйн только вздохнул: на старинные книги Рональд тратил бешеные деньги. – И что же ты вычитал в своих... хм... фолиантах?

– Видишь ли, – Рональд сделал паузу, словно подбирая подходящую формулировку, – в хрониках попадаются любопытные вещи. Например, упоминание о том, что в одном королевском роду из поколения в поколение передавался меч, которым предок сразил то ли дракона, то ли могучего колдуна, то ли обоих сразу. И еще доспех, защищавший от любого заклинания.

– Эриниевая сталь? – бросил Ивэйн.

– Достаточно накладок из нее, ты же знаешь, – усмехнулся его брат. – Вот в соседних государствах ничего подобного не водилось, если, опять же, верить хроникам.

– То есть ты полагаешь, что установил, в каком именно королевстве находилось то месторождение? – иронически изогнул густую бровь Ивэйн. – А если это была случайность? Если меч и доспехи привезли из других краев, получили в подарок, наконец!

– Я сам понимаю, что предположение зыбкое, – вздохнул Рональд. Ему нравилось спорить с братом: тот со своей непробиваемой практичностью и железной логикой часто не

оставлял камня на камне от его гипотез. Мало кто другой был способен на такое. – Но другого у меня нет... Но вот послушай: пишут еще об амулетах от дурного глаза и колдовства, что имелись у многих местных жителей и, главное, действовали. Тоже, скажешь, подарки? Или они были покупные? Почему тогда в окрестных землях таких не встречалось?

– Ну, ну, что еще? – подбодрил Ивэйн. Глаза его смеялись.

– В сущности, все, – огорошил его брат. – Но если верно то, что королевство, о котором толкую я, располагалось именно здесь, – он снова ткнул в карту, – а если верить древним картам и совместить их с нынешними, то так и выходит... Вырисовывается крайне занимательная штука...

Ивэйн упорно молчал. Ясно было, что Рональд припас напоследок что-то сногшибательное, и он не собирался портить ему удовольствие неуместными вопросами.

– Это королевство не раз поминается в хрониках не только благодаря волшебному мечу и доспехам правителя, – сказал, помолчав, Рональд.

– Чем же еще?

Улыбнувшись, младший Хоуэлл наклонился к старшему и негромко изложил суть последнего своего изыскания.

На минуту воцарилась тишина. Наконец, Ивэйн помотал головой и встал.

– Это меняет дело, – сказал он, подойдя к окну. Отодвинул тяжелую штору, выглянул наружу: вечер выдался темный, дождливый.

– Подводных камней тоже немало. – Рональд присоединился к брату.

Крупная птица в клетке у окна, точно такая, какая красовалась на гербе корпорации, завозилась, проснувшись. Хрипло курлыкнула, уставилась на хозяина желтыми немигающими глазами.

– Согласен, – кивнул тот. – Но если получится...

– Это всего лишь предание.

– Ты сам знаешь, что любое предание может обернуться явью. – Ивэйн просунул руку между прутьями клетки, погладил свою любимицу по блестящей спинке. Птица ласково ущипнула хозяина за запястье. – Вот мерзавка, снова выпрашивает подачку...

– Она у тебя скоро не взлетит, если будешь совать ей куски, – предостерег Рональд.

– Пока я жив, – Ивэйн остро взглянул на брата, – *эта* птица будет летать так высоко, как только сможет.

– Я в этом не сомневаюсь, – усмехнулся тот. – Так что ты предлагаешь?

– Поступим следующим образом...

Оба Хоуэлла углубились в обсуждение плана предстоящей операции. Позабывтая птица, в честь предка которой когда-то и была названа корпорация, попыталась привлечь внимание Ивэйна, не преуспела в этом и вновь задремала. Оперение ее в мягком свете ламп отливало яркой синевой.

Это был сон, от которого не хотелось пробуждаться. Всякий раз иной, но всегда нежный, теплый и ласковый, будто пух одуванчика под июльским солнцем, будто шерстка котенка, будто дыхание матери...

Неизвестно, сколько он длился, она знала – долго, но так и должно быть, поэтому нечего

бояться. Совсем нечего, потому что рано или поздно истечет отпущенный срок, и сон станет легким, невесомым, и послышится конский топот во дворе замка, и раздадутся шаги... Кто-то бережно коснется ее лица, и она откроет сонные глаза, вздохнет и скажет негромко: «Как же долго я спала!» Вглядится в лицо того, кто разбудил ее, и оно будет, конечно же, прекрасно, потому что иначе и быть не может! И зашумит пробуждающийся замок, и залыет лаем собачка, уснувшая в ногах ее ложа, и вбежит в комнату мама, быстрым шагом войдет отец, старающийся не уронить достоинства, но взволнованный донельзя...

Так и будет, она знала это наверняка, поэтому совсем не удивилась, когда сквозь сон начала различать посторонние звуки: шорох, будто ветки скреблись в окно, птичье щебетание, шелест дождя... Это означало лишь, что уже скоро, скоро прибудет тот, кого она ждала так долго!

И, наконец, она услышала шаги. Тихие, осторожные, будто бы крадущиеся шаги. Наверно, ей просто показалось: они должны были быть уверенными и четкими, шагами победителя, шагами героя! Как же иначе?

Скрипнула тяжелая дверь. Шаги звучали все ближе, ближе... Человек замер возле ее ложа, ей казалось, будто она слышит его дыхание.

Если бы она могла, то проснулась бы сразу же, но ей оставалось только ждать, пока свершится то, о чем говорилось в предсказании.

Свершилось. Она успела только почувствовать странный запах, ощутить касание чужих губ – вовсе не легкое, невесомое, как предполагала, а вполне... осязаемое, – и... Ничего не изменилось. Все так же слышались звуки – будто издалека, будто сквозь плотную завесу, и мысли текли медленно-медленно, сонно...

«Не он... – подумала она с огорчением. – Или же время не вышло. Как жаль... Хорошо, если остался год или два, а если десять? Ведь он не станет дожидаться...»

Он действительно не стал дожидаться: она почувствовала обжигающую боль, затем снова, снова, и не сразу поняла, что это – от пощечины. Но кто посмел... кто посмел ударить ее?! Ее!!

– Да просыпайся же ты, чертова кукла! – кто-то поднял ее и сильно встряхнул, так, что мотнулась голова, а на плечах наверняка остались синяки от сильных пальцев. – Хватит, выспалась!

Ее уронили обратно на ложе. И снова пощечина. А потом тот, кто так грубо пытался ее разбудить, решил, видно, прибегнуть к последнему средству: взял и зажал ей рот и нос шершавой ладонью. Она так ясно почувствовала прикосновение грубой мужской руки к своему лицу, ощутила запах – пожалуй, руки у этого человека были не слишком чисты, – что ее охватило возмущение. Да кто он таков, что осмеливается так вести себя, говорить подобные слова в ее присутствии, прикасаться к ней и даже... бить?!

Дышать было нечем, и в попытке освободиться от чужой руки она попыталась повернуть голову, и... это ей удалось. Почти удалось.

Впрочем, мужчина заметил ее слабое движение, снова поднял, встряхнул...

– Ну давай, детка! – пробормотал он. – Только не вздумай сдохнуть прямо тут, у меня на тебя большие планы!

Открыть глаза оказалось непосильной задачей, но она привыкла заставлять себя, даже если было тяжело и больно. Перед нею все плыло, но она все же различила контуры крупной фигуры, сделала движение, чтобы отстраниться, и почти преуспела в этом.

– Ну слава тебе, Господи! – искренне произнес незнакомец и без позволения уселся на

край ее роскошной кровати. Теперь она видела его достаточно четко, чтобы разобрать черты лица. – Ожила!

– Кто... – Голоса не было, заставить губы слушаться оказалось почти невозможно, но она справилась. – Кто вы такой?

– Не признала? – Мужчина прищурился, скривил губы, и она не сразу поняла, что это, оказывается, улыбка. – Я – твой прекрасный принц, детка! И я таки тебя разбудил, за что честь мне и хвала...

– Вы не принц, – убежденно сказала она. Уж кого-кого, а принцев ей довелось повидать столько, что иным и не снилось! – Вы... не можете быть принцем...

Мужчина смотрел на нее в упор, и в глазах его не было ни тепла, ни радости от ее чудесного пробуждения. Там оказалось что-то совсем иное, и девушка пока не могла разобрать, что именно.

Принцем он не был, в этом она могла поклясться. Принцы не бывают такими... такими... мужланами, подобрала она верное слово. Высоченный, насколько можно судить по сидящему человеку, широкоплечий, загорелый чуть не дочерна, он смотрелся настолько странно и неуместно в ее изысканной опочивальне, что хотелось снова закрыть глаза и убедить себя, что это всего лишь сон. Вот только этот сон носил странного вида одежду – штаны из грубой сизой ткани с кожаными заплатками, кожаную же куртку с простой рубахой под ней, сапоги и невероятного вида шляпу с загнутыми полями, – крепко пах лошадиным (и не только) потом, на загорелом лице его золотилась щетина, а светлые глаза смотрели пристально, оценивающе.

– Вставай, – сказал тот, кто пришел вместо обещанного принца. – Пойдем.

Она взглянула на него так, что любому стало бы ясно: принцесса оскорблена, принцесса изволит гневаться и не намерена двигаться с места.

– Ты маленькая, я тебя через плечо перекину и унесу, если будешь кочевряжиться, – пообещал незнакомец, и было в его голосе что-то такое, по чему девушка поняла: он не шутит. Перекинет и унесет, и она будет униженно болтаться вниз головой на глазах у...

– А где же все? – спросила она, прислушиваясь. – Где мои родители? Где слуги, наконец? Почему так тихо?

– О, ну теперь вижу, точно проснулась, – хмыкнул мужчина. – Ты по сторонам посмотри. Посмотри, посмотри, да повнимательнее!

Она обвела взглядом комнату. Подавила желание протереть глаза. Взглянула еще раз...

Истлевшие гобелены на стенах. Мебель, сохранившая прежнюю форму, но готовая превратиться в пыль от любого прикосновения – это было заметно. Стекла в высоком окне выбиты, а те, что уцелели в частом переплете, – потускнели, сквозь них уже ничего не разглядеть, да и зачем, если есть дыры, в которых виднеется небо? Дверь перекосилась, почти сорвалась с петель: немудрено, что она так скрипела! И толстый слой пыли на всем вокруг – в ней четко отпечатались следы незнакомца. Она везде, даже – принцесса взглянула на себя – на ее платье, на постели, повсюду!

Она попыталась отряхнуть подол – в воздух взметнулось облако пыли, и мужчина отшатнулся, прикрывая лицо рукавом.

– Ну ты устроила! – Он встал, отошел в сторону. – Отряхивайся подальше от меня!

Девушка промолчала – он был простолюдином, это видно с первого взгляда, а разговаривать с простолюдинами... Родители полагали, что это зазорно, и, как всегда, были правы.

Взгляд ее упал на маленький холмик в ногах некогда роскошного ложа. Какие-то лохмотья, золотая цепочка... и тонкие косточки. Все, что осталось от ее преданного сторожа, от ласковой собачки, уснувшей вместе с ней, вместе со всем замком...

Любая другая разразилась бы плачем от горя, но она замерла, сраженная куда более страшной мыслью: если такое случилось с собачкой, то... как же люди? Ее родители, придворные, слуги, наконец? Что с ними...

– Дошло, наконец, – констатировал мужчина, внимательно наблюдавший за ней. – Вставай уже. Не нравится мне в этом склепе. Того и гляди, потолок обвалится!

Она молча сидела на краю кровати, глядя в одну точку. Новому знанию предстояло еще уложиться в голове. Горевать она будет позже, если наступит это «позже»...

– Остальные... – сорвалось с сухих губ.

– Кого видел по пути, все истлели, – охотно ответил мужчина. – Лет-то сколько прошло!

– Сколько?

Он призадумался, видимо, подсчитывал.

– Уж побольше четырехсот. Да, пятый век к середине подходит, как ты дрыхнешь, – сказал он вроде бы с насмешкой, но в то же время немного настороженно.

Вот, значит, как... Почти пять веков вместо обещанных ста лет. И принц, которого она никогда не знала, но который должен был разбудить ее и взять в жены, если и родился, проскакал мимо заколдованного леса, где прятался ее замок. А потом женился на другой принцессе, увидел детей и внуков, потом умер, и внуки его умерли тоже, пока она оставалась здесь, в высокой башне, и...

– Где были твои родители, когда... все случилось? – спросил вдруг мужчина. – Или кто там? Только отец?

– Отец и мать, – ответила она машинально. – Они должны быть в тронном зале. Они так решили: остаться там, при всех регалиях, в парадных одеждах. И придворные тоже там, и слуги... Чтобы, когда принц разбудит меня, нас встретили, как подобает...

– И как туда пройти? – Чужаку не было дела до ее мыслей. Что его интересует, девушка знать не хотела. Объяснила коротко, как попасть в тронный зал, он кивнул – значит, понял. – Давай уже, шевелись. Пора идти.

– Оставьте меня, – обронила она.

– Не выделывайся, – нахмурился мужчина. – Я ведь предупредил... цацкаться не стану, принцесса ты там или кто!

– Я пойду с вами, – сказала она высокомерно и холодно, едва скрывая за этой холодностью истинные свои чувства. – Но сейчас – оставьте меня одну. Вы, кажется, хотели попасть в тронный зал?

– Ну да... – Мужчина чуть склонил голову набок, присматриваясь к ней. – Чудить не вздумай, слышишь? Попробуешь повеситься или отравиться...

– Я не возьму на себя грех самоубийства, – ответила она презрительно. Он что, считает ее крестьянкой, готовой полезть в петлю оттого, что дружок пошел гулять с другой? И пусть с ней стряслась беда посерьезнее измены милого, она все еще может держать себя в руках. Она должна. – Вы можете спокойно оставить меня.

– Ну, смотри, – недоверчиво произнес мужчина. Сделал шаг к двери, обернулся, бросил через плечо: – Я там буду. Возьми, что тебе нужно... хотя тут уж нечего брать-то, и спускайся. Чего тут торчать...

Он вышел, теперь шаги его звучали более уверенно, но все же он останавливался там,

где разветвлялись коридоры, прислушивался, будто опасался, что кто-то набросится на него. Может, и так... Кто знает, кто или что могло завестись в пустующем замке!

Девушка поднялась на ноги – тело плоховато слушалось ее, да и немудрено, – осмотрелась внимательнее. Более-менее сохранной осталась лишь ее кровать, будто заклятие, заставившее ее проспать столько лет, защитило и ложе. Вот только собачку не спасло... Все остальное пришло в полный упадок.

Подобравшись к окну, она выглянула наружу – башню до самого верха заплели могучие черные ветви, шипы были такими, что, наверно, могли проткнуть тело насквозь. Черный лес простирался не так уж далеко, ей удалось разглядеть его границу. Там, кажется, начинался обычный мир, зеленела трава...

Как этот странный бродяга попал в замок? Принцесса хорошо помнила условие: лес расступится лишь перед тем, кому суждено пробудить ее от столетнего сна, никому другому не прорубиться сквозь угрюмые заросли, будь он хоть великий воин, хоть знаменитый кудесник! А на бродяге тем временем не заметно ни царапин, ни порезов, одежда цела, будто он и не заходил в лес. Ну не по воздуху же он прилетел!

За этими мыслями девушка прятала другие, куда более тяжелые. Нужно было спуститься вниз и удостовериться: то, о чем сказал этот человек, – правда. Всех в замке постигла участь ее маленькой любимицы. Всех. И родителей, и милую кормилицу, и молочную сестру, и придворных, и слуг, и сторожевых псов, и лошадей в конюшне, и даже почтовых голубей на голубятне... Если так, значит, она осталась совершенно одна. И что делать дальше, принцесса не знала...

В любом случае, прежде чем окончательно впасть в отчаяние, нужно было выяснить истинное положение вещей.

Девушка подошла к изящному комоду, когда-то лакированному, а теперь растрескавшемуся, покрытому толстым слоем пыли, попыталась выдвинуть ящик... Ножка комода подломилась, и весь он осел грудой изъеденной жучками трухи. Брезгливо морщась, принцесса носком туфли отбросила обломки, поворошила мусор и прах, бывший когда-то тончайшими батистовыми и шелковыми вещицами, останки безделушек... Нашла, наконец, небольшое зеркальце в потускневшей от времени оправе, протерла его, убедилась, что стекло цело, спрятала зеркальце в поясной кошель, дорогой, расшитый золотом и драгоценными камнями. Хоть что-то осталось при ней – гребень да зеркало, да еще кое-какие мелочи, которые носили при себе знатные дамы...

Больше здесь нечего было делать. Девушка остановилась на пороге и напоследок обвела взглядом комнату, в которой провела свое отрочество и юность... и последние четыреста с лишним лет...

...Задание оказалось не из простых, ну да его с самого начала никто не пытался ввести в заблуждение. Конечно, «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» – это не совсем по его профилю, но когда предлагают такие деньги, и кто предлагает – сам глава «Синей птицы», на которого уже доводилось работать и который никогда не обманывал с оплатой! – колебаться глупо. Первый раз, что ли, отправляться в эти края? Да он вырос на границе с Территориями, первый раз забрался туда в нежном щенячьем возрасте, за что и был нещадно порот отчимом, а потом так и повадился... Слишком далеко, правда, не забирался. Нужды такой не было. А вот с сиаманчами да еще делакотами знакомство свел, у последних у него даже жена имелась. Хорошенькая была, жаль, умерла прошлой весной, когда рожала

сынишку. Мальчонка тоже не выжил. Ему предлагали взять другую женщину, но он отказался – слишком привык к той. Скучал даже...

На этот раз дельце выдалось посложнее прежних: не просто перехватить чьего-нибудь гонца, выведать какой-нибудь секрет, а то и просто... хм... разобраться с неудобными господам Хоуэллам личностями. А то притащить что-нибудь с Территорий, или, наоборот, доставить по назначению, или сопроводить кого... Вообще-то, Генри Монтроз был слугой многих господ, но именно Хоуэллам он отдавал предпочтение. Они и платили щедро, и не надували: всегда говорили честно, какой гадости можно ожидать от очередного задания. Генри предпочитал действовать с открытыми глазами, он был человеком практичным. Конечно, он понимал, что ему, простому исполнителю, никто всей подоплеки происходящего не расскажет, но это ерунда, лишь бы ничего, относящегося к его делам, не скрывали.

Бывало, Генри отказывался от выгодного вроде бы дельца, предложенного конкурентами «птичек». Ну вот не лежала душа, и все тут! Чутье пока не подводило: те, кто взялся за те дела, сгинули бесследно. (К слову сказать, Генри приложил руку к исчезновению кое-кого из тех ребят. Взял, проще говоря, да и заложил их агентам «птичек», за что получил приличное вознаграждение, а заодно избавился от пары соперников. В его мире тоже имела место конкурентная борьба, и хотя противники пользовались менее изощренными средствами, нежели главы корпораций, по сути, разница была не так уж велика. Выживал сильнейший, а какими способами, вопрос другой...)

Все прошло, в общем-то, неплохо. На одинокого рейнджера (так называли на окраинах Территорий ребят вроде Генри) никто не обратил особого внимания: едет по своим делам и едет, мало ли... Вообще-то, суета стояла знатная, и Генри точно знал, с чем она связана. Знал также, что скоро кое-где станет жарко, а потому выбрал кружной маршрут. Может, оно и дольше и Юго-восточную Территорию огибать придется, зато точно не натолкнешься ни на кого из тех, кто возмечтал повыдергать перья «птичкам».

Как уж там будут справляться остальные, Генри не знал и знать не хотел. Что Хоуэллы наверняка отправят не его одного, он был уверен. Часть групп изобразит отвлекающий маневр, часть попытается прорваться к цели... Может, кто и дойдет. Может, кроме него, идут и другие одиночки (а Монтроз предпочитал работать один, так ему казалось безопаснее), но, опять же, это другой вопрос. И конкуренты тоже объявятся, как пить дать! Вот когда он столкнется с ними, тогда и будет думать, как поступить, благо вариантов в запасе достаточно. Пока же его интересовало только дело.

До цели он добрался даже раньше, чем рассчитывал – это если учесть, что большая часть пути пролегла по Территориям, да не по окраинным землям, а самым что ни на есть диким, сюда даже сиаманчи, вечные бродяги, редко заглядывали. Так взглянуть – прерия как прерия, зверья предостаточно, а присмотришься... Не стоит, в общем, присматриваться. Не дело это. Можно так заглядеться, что дороги уже не найдешь.

Но Генри новичком на Территориях не был, поэтому шел, почти не плутая, благо Хоуэлл (который из двух, Монтроз определить затруднялся) снабдил его довольно точными координатами и рассказами чокнутого старика тоува. Сам старик тут не бывал, а вот местные обитатели наведывались, хоть и без большой охоты, кое-что поведали. Немного, но опытному путешественнику вроде Генри этого было достаточно.

Цели он достиг без особых приключений, подумал еще, что это не к добру, и сполна прочувствовал все коварство судьбы-злодейки, пытаясь добраться до вожака замка. Если бы не Хоуэлл, черта с два у него бы что вышло, но тот снабдил рейнджера не только

координатами искомого объекта. Пришлось повозиться, но в итоге у него все получилось...

Замок, будь он хоть двадцать раз заколдованный, Генри разочаровал. Как люди умудрялись жить в таких мрачных, всеми ветрами продуваемых каменных громадах, он не понимал. То ли дело добротный фермерский дом! В нем и тепло, и просторно, но без излишеств... А здесь: потолка не разглядеть, окна узкие, никаких тебе ставней, сквозняки гуляют, холод – поди обогрей такую махину! Должно быть, в стародавние времена, когда полы были устланы коврами, стены затянуты гобеленами, а придворные маги поддерживали в покоях необходимую для нормального существования температуру и освещали все эти анфилады залов волшебными огнями, тут было и уютно, и красиво. Теперь же замок напоминал склеп, и чувство это усилилось многократно, стоило Генри наткнуться на первый скелет. Это был, видимо, какой-то лакей – костяк лежал у высоких дверей, будто верный слуга и после смерти продолжал защищать хозяйские покои. Голый череп скалился, мол, рискни переступить!

Здраво рассудив, что сапог такие зубы вряд ли прокусят, Генри решительно перешагнул скелет и отправился дальше. Убедился вскоре, что в замке нет ни единой живой души, кроме разве что поселившихся под сводами пары залов летучих мышей, и призадумался.

С одной стороны, такой оборот событий не мог не радовать его лично. Все-таки некоторые поручения Генри терпеть не мог, но куда деваться? А так... все случилось само собой. С другой стороны, если и принцесса, будь она неладна, обратилась в прах, Хоуэллы расстроятся. И пусть вины Генри в этом не будет, все равно как-то нерадостно... Оставалось лишь уповать на лучшее и втихомолку молиться Меркурию, покровителю торговцев и плутов (к каковым Генри относил и себя).

В том, что удача все-таки его не покинула, Генри убедился, забравшись на самую высокую башню замка. До того он скрупулезно проверил еще две, взмок, обозлился и готов был разворотить замок по камушку. Увидев мирно спящую девушку, он почувствовал, как отлегло от сердца. Даже если разбудить ее не удастся, можно увезти с собой и предъявить Хоуэллам, а уж те сообразят, что делать дальше!

Что это именно принцесса, а не какая-нибудь служанка, можно было не сомневаться. Служанки не носят платьев, с которых драгоценности можно обирать горстями, у них не бывает таких рук – тонких-тонких, изящных, как у фарфоровой куклы, которую Генри видел однажды в витрине магазина, когда его занесло в Мюнхен. И лиц таких – даже во сне надменных и высокомерных – у служанок быть не может, равно как и маленькой коронки в высокой прическе...

Пожалуй, вел он себя грубовато, будто хотел отомстить девчонке (а ей было на вид лет шестнадцать, что вполне соответствовало преданию) за все, что ему пришлось вынести по пути сюда. Она, понимаешь, лежит и в ус не дует, а люди, к слову сказать, чуть ли не на верную смерть идут, чтобы до нее добраться!

Так или иначе, но разбудить девицу удалось. То ли заклятие за столько лет дало сбой, то ли сработал амулет, выданный старым тоувом, но хоть принцесса и не проснулась мгновенно от поцелуя, в итоге все-таки продрала глазыньки.

Генри ожидал паники, истерики, слез и перепуганных воплей и готов был справляться с этим – имелась при себе холодная вода в баклаге, лучшее средство от девичьих истерик! – но не потребовалось. Принцесса (видела бы она себя со стороны, в этом пыльном жеваном платье, да что там, пыль была даже на лице!) повела себя так, как Генри и ожидать не мог. Быстро пришла в себя, спросила о родителях (вот тут он снова возблагодарил тоувов за их

работу – без некоторых штучек он девчонку вряд ли бы понял!), а потом, даже не изменившись в лице, замкнулась в молчании. Он, однако, поклясться был готов, что она напряженно размышляет, но вот о чем? Что бросаться в окошко девчонка не собирается, он прекрасно видел, не та натура. Странно даже, во всех старинных сказках принцесс описывают как нежные цветы, тронь – лепесточки осыплются. А эта вон даже слезинки не пролила, узнав, что из всего населения замка в живых осталась она одна! Может, шок? Когда отойдет и все осознает, начнет рыдать, но это и к лучшему. Что делать с плачущими девушками, Генри знал, а вот как быть с такими...

Так или иначе, но девице надо было прийти в себя, и Генри великодушно оставил ее одну. Не пропадет, некуда ей идти.

Тронный зал нашелся быстро, принцесса описала дорогу коротко и четко, любой бы понял. Толкнув высоченные тяжелые двери и опасливо покосившись вверх – чего доброго, рухнут, а такой створкой лошадь пришибить можно! – Генри вступил в огромное помещение. Да, строили в давние времена с размахом... Тут бои быков можно устраивать, не иначе, как в далекой северной Иберии! Окна от пола до потолка – цветные стекла выбиты или упали сами, когда не выдержал испытания временем оконный переплет, повсюду пыль, бывшая когда-то занавесями, гобеленами и праздничными штандартами, стены увивают вездесущие черные ветви, опасно ошестинившиеся шипами... И, конечно, кости. Народу в зал набилось, наверно, с пару сотен, никак не меньше. Видно, все придворные, а еще слуги... Все, как сказала принцесса.

Генри осторожно шел по проходу, стараясь не наступать на скелеты. Взгляд против воли останавливался на заманчиво мерцающих в пыли драгоценностях – протяни руку, сними с истлевших останков, и они твои! А стоять они будут... Сами камни, да работа, да то, что сделаны вещи до Катастрофы...

«Позже, – пообещал себе Генри. – У меня другая задача. А это потом, не убегут камушки...»

Он направлялся к постаменту, на котором возвышались два роскошных сиденья, одно побольше, другое поменьше и не столь пышное. Троны, надо полагать.

Тех, кто занимал эти троны, постигла общая участь: перед Генри сидели два скелета. Узкий золотой обруч с темными камнями, древний даже на вид – он был старинным еще до Катастрофы, за это Монтроз готов был ручаться, – съехал набок, придавая одному из скелетов заливчатый вид. Генри осторожно снял королевский венец, повертел в руках... Резко обернулся на шорох, рука сама собою дернулась к револьверу.

Это оказалась всего лишь принцесса. Она застыла на пороге тронного зала, и лицо ее по-прежнему не выражало ничего. «Точно, в шоке, – решил Генри. – Потом сорвется, и поймею я массу проблем с невменяемой девкой!»

– Это корона твоего отца? – спросил он, показывая девушке золотой обруч. Не самый лучший способ отвлечь, но что поделаешь...

– Да, – ответила она, подходя ближе. – Ею короновались все мои предки с незапамятных времен.

– А еще какие регалии имелись у его величества? – Генри попытался быть вежливым, но не слишком преуспел. – Скипетр там, еще что-нибудь?

– Посох, – обронила девушка, и Генри заметил в пыли под ногами металлическое навершие в виде распростершей крылья хищной птицы, вцепившейся когтями в большой шар. Деревянная часть посоха давно истлела, но это... Генри усмехнулся – Хоуэллы

наверняка оценят аллегорию!

– А у королевы? Было что-то особенное? – спросил он, подобрав наверхие. Тяжеленная оказалась штука, таким посохом в случае чего, наверно, и от меча можно было отбиться, если умеючи.

– На матушке ее драгоценности, – ответила девушка. – Те, что носили все королевы нашего рода. Теперь они принадлежат мне.

– Не спорю, – согласился Генри, бережно снимая с шеи мертвой королевы великолепное ожерелье и подбирая из пыли тяжелые серьги, – но пока пусть они побудут у меня. Так надежнее, уж поверь...

Девушка ничего не ответила, но смерила его таким взглядом, что Генри невольно передернул плечами. Хорошо еще, в драку не полезла, отбирать свои цацки... С разъяренной женщиной не так-то просто сладить, а не бить же ее!

– Я полностью в вашей власти, – произнесла она неожиданно, и Генри с изумлением понял: если и была паника, страх, истерика, то эта коротышка в нелепом платье, с высоченной пудреной прической загнала все это внутрь себя. И что будет, когда оно прорвется...

– Вот и умница, – брякнул он...

...Принцессы не плачут при посторонних. Принцессы не должны показывать слабость никому. Разве только будущему мужу – тому незачем знать, какова на самом деле его нареченная. Так ее воспитали, так учила ее мать, женщина волевая и строгая. Той повезло, муж ее оказался сильным человеком и мудрым правителем, но будь иначе, она сумела бы принять бремя власти на свои плечи так, что он ничего бы и не заметил.

Сумела бы так поступить она сама, принцесса не знала. Кажется, не знала... Ей вообще тяжело было мыслить, сознание то и дело заволакивала странная пелена, и все происходящее начинало казаться сном, и приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы вернуться к реальности. Полноте, да было ли это реальностью?..

Скорее всего, решила она, в очередной раз усилием воли отогнав радужный туман. Ей никогда не снились подобные сны, такие... яркие и грубые. Но даже если ей все это лишь снится, вести она себя должна так, как подобает. И, как ни неприятно ей было смотреть на чужака, бесцеремонно сорвавшего корону с останков ее отца, она сумела перебороть себя. Чужак чувствует себя хозяином – что ж, пусть. Пока что он – единственный живой человек в замке. И пусть он простолюдин, грубиян и вор – достаточно посмотреть, как ловко он складывает в сумку лучшие драгоценности почивших придворных дам, чтобы убедиться в этом! – сейчас это не имеет значения. В конце концов, один ее предок когда-то укрывался от преследования в лачуге контрабандиста, а чем вор хуже?

– Эй, ты что делаешь? – окликнул ее бродяга.

– Я хочу взять на память прядь волос матери, – сказала она спокойно. Требовать от него именовать ее полным титулом – глупо и нелепо. Суть не меняется от того, каким именем тебя называют. – Могу я сделать это?

– Прядь волос, говоришь? – Мужчина подошел ближе, задумался. – А ведь мне и в голову не пришло... Ты бери, бери. Я тоже потом кое-что возьму...

– Что вы де... – Она проглотила вопрос, потрясенная немислимым кощунством.

– Извини, детка, – покаянно сказал бродяга. – Так надо. Потом объясню...

...Жаль, он не прихватил вторую сумку. Впрочем, можно снять рубашку, завязать рукава – получится сносный мешок. Тащить будет тяжело, но своя-то ноша не тянет! Спросить бы еще принцессу, где тут у них сокровищница, но тогда и надорваться можно. Генри меру знал. Уже того, что он насобирал по полу в этом зале, хватило бы ему на три скромные жизни. Или две нескромные. Куда больше? Основать свою корпорацию, что ли? Нет, за королевские драгоценности пусть другие глотки рвут, ему и так достаточно... К тому же сокровищница наверняка защищена заклинаниями, а соваться под них без должной подготовки и защиты – это вообще дураком быть надо!

Дураком Генри себя не считал, поэтому продолжал методично обшаривать зал, выбирая лучшее. Принцесса сперва молча стояла посреди зала, потом подошла к мертвым родителям. Попросила разрешения взять прядь волос, и вот тут-то Генри осенило...

Хоуэллы тоже молодцы! Ну, привез бы он эту девчонку, заявил, что она принцесса... А доказательства где? Может, он ее в ближайшем кабаке подобрал, научил, что говорить, вот и все... Генри бы на слово никому не поверил, почему ж другие должны верить?

А доказательство...

«Уж простите, ваше величество, – мысленно покаялся он, осторожно отделяя пясть руки королевского скелета. – Так надо. И по ночам мне являться не нужно, сердечно вас прошу! Ради вашей же дочурки стараюсь!»

Он проделал то же самое с королевой, увязал косточки в отдельную тряпицу и спрятал во внутренний карман куртки. Не сказать, чтобы это было приятным соседством, но что уж теперь...

Так любой маг определит, является ли девушка дочерью этих двоих людей. Вот как доказать, что они и были королем и королевой, Генри не знал. Может, поможет корона и прочее – навершие посоха, драгоценности королевы, перстень с большим темно-синим камнем с вырезанной на нем птицей, что он нашел у подножия трона... Об этом пусть голова у Хоуэллов болит, а он сделал все, что было в его силах.

– А теперь пошли, – сказал он принцессе, взвалив на плечо изрядно отяжелевшую и раздувшуюся сумку. – Здесь ночевать нельзя, а уже вечерет. У меня лагерь тут неподалеку...

Девушка молча кивнула и засеменила за ним, подобрав пышные юбки. Покорность ее Генри нравилась, но... Не попытается ли она сбежать при первой возможности? Или зарезать его во сне? Ну, этого Генри не особенно опасался, но что до остального... Впрочем, девица вроде неглупая, нужно будет попытаться объяснить ей, что происходит. Хотя бы частично. Она...

«Кстати, а как ее зовут?» – подумал Генри Монтроз, но решил отложить выяснение этого вопроса.

Против его ожиданий, принцесса не хныкала, не жаловалась и не требовала немедленно подать ей четверых носильщиков с паланкином, потому что у нее устали ножки! Нет, шла молча, только раз удивленно спросила:

– Мы ведь спускаемся в кухонные помещения, разве нет?

– Конечно, – ответил Генри и поправил на плече тяжеленную сумку. – А ты думала, подземный ход прямо в тронном зале начинается?

Вообще-то, там тоже имелся потайной ход, но куда именно он ведет, Генри не знал. Зачем время терять?

Принцесса ничего не сказала, послушно проследовала за ним, пробралась в темный лаз, собрав со стен всю грязь и пыль своим бесконечным шлейфом, пошла позади. Генри зажег фонарь, чтобы не оступиться в темноте. Когда-то этот ход, как и весь замок, освещался волшебными огнями, вспыхивавшими по команде вошедшего под низкие своды, но теперь то ли волшебство просто иссякло, то ли что-то разладилось, но света не было. Приходилось довольствоваться малым.

Если бы не дотошный Хоуэлл, Генри пришлось бы сложно. Окружавший замок черный лес (таких растений Монтроз никогда прежде не видел и предпочел бы больше никогда не видеть) не давал пройти. Не давал, и все тут! Сколько Генри ни бился, сколько ни пытался приспособить богатый свой арсенал фокусов и трюков для решения этой проблемы, на черные колючки ничто не действовало. Они не сгорали в огне (Генри зря истратил несколько флакончиков недешевого «белого пламени» и не на шутку разозлился), их не брало железо, а просто пробраться между стволами тоже оказалось невозможно: ветви смыкались, как живые, угрожая внушительными шипами, – и Генри отступился. Наверно, сильный маг или хотя бы умелый тоув справился бы с этой растительной напастью, но Генри был всего лишь рейнджером.

Соваться в потайной ход ему не хотелось, не любил он подземелий, но выбора не оставалось. По счастью, большая часть замков тех времен строилась по единому образцу, а потому Хоуэлл резонно предположил, что потайные ходы должны оказаться здесь, здесь и здесь – он тогда указал на схематичный план замка, – а уж куда они выводят, ищи сам, Монтроз! Исследуй прилегающую местность, пораскинь мозгами – голова у тебя не только для того, чтобы шляпу носить! – и сообрази. Он сообразил в конечном итоге... исползав на брюхе все окрестности. Если бы все осталось таким же, как четыреста с лишним лет назад, было бы проще, но теперь приходилось только догадываться, был ли на этом месте овраг, лес или заросли кустарника...

Единственный обнаруженный им ход оказался наполовину заваленным – видимо, свод обрушился еще во время Катастрофы, когда часть тоннеля просто оторвало и унесло в неизвестном направлении. С этим Генри справился, хотя и пришлось попотеть, не впервой было.

– Тут осторожнее, – предостерег он принцессу. – Под ноги смотри.

Девушка ничего не ответила. Пару раз споткнулась – он слышал краем уха, – но промолчала.

– А теперь стой, – скомандовал Генри. Загасил фонарь – снаружи пробивался свет. Наконец-то добрались. – Я вылезу, потом тебя вытащу. Ясно?

Принцесса снова ничего не сказала, не возразила, поэтому Генри, пристроив сумку поудобнее, начал карабкаться по каменным обломкам вверх, к дневному свету...

...О том, что в замке есть потайные ходы, принцесса, конечно, знала. Но, как выяснилось, ей рассказали далеко не обо всех таких лазах: во всяком случае, о том, который начинался в большой кладовой рядом с дворцовой кухней, она никогда не слышала. Может статья, о нем позабыли и ее учителя... Этот бродяга, однако, шел уверенно – а как иначе, если и в замок он пробрался этим же путем?

Идти было непросто: плиты под ногами то вставляли дыбом, то проваливались,

рассыпались щебнем, будто покореженные землетрясением. Наконец, дорогу преградил настоящий завал. Бродяга, недолго думая, полез вверх по ненадежным обломкам – сверху сыпался песок и мелкие камушки, – потом пробивающийся откуда-то дневной свет померк, загроможденный широкой спиной, и снова появился.

Мужчина крикнул сверху:

– Эй! Руку мою видишь? Достанешь?

– Нет, – ответила она, оценив расстояние до дыры в своде тоннеля. Даже если она встанет на цыпочки, то все равно не дотянется до протянутой руки даже кончиками пальцев.

– Попробуй на камни забраться, – посоветовал бродяга. – Ты не бойся, они прочно держатся, подо мной не посыпались, а ты полегче будешь. Давай, чего телишься?

Она пропустила его слова мимо ушей: принцессе не пристало обращать внимание на речи простолюдина. Однако оставаться в темном подземелье было глупо, поэтому девушка, подобрав юбки, осторожно ступила на каменный обломок. Он шатался, но выдержал, не покатился. Следующий держался менее прочно, но малый вес принцессы не сдвинул его с места. Так, балансируя, она смогла немного подняться по импровизированным ступеням.

Она взглянула вверх. Бродяга, должно быть, лежал на животе: в дыру свешивалась лишь его голова да виднелись плечи.

– Руку давай, – скомандовал он, и девушка протянула руку. Ее ладонь полностью скрылась в могучей лапице бродяги. – Держу. Лезь вверх, я тебя вытяну...

И действительно – вытянул, руки у него оказались сильными. Поставил наземь, даже галантно отряхнул подол ее платья, хотя его уже было не спасти – все в пыли, в грязи, отделка местами оборвалась и висит клочьями...

Девушка оглянулась: замок, почти неразличимый за переплетением густых ветвей, нависал над ними. Потайной ход выводил за пределы волшебного леса – вот, значит, как бродяга пробрался внутрь, минуя заколдованные заросли! Но откуда он узнал?..

– Пойдем, – сказал мужчина нетерпеливо. – Тут еще недалеко, а темнеет быстро. Или ты устала?

– Ничуть, – ответила принцесса, как ответила бы, даже если валилась бы с ног от изнеможения. – Указывайте дорогу...

«Указывайте дорогу, вон как!» – дивился про себя Генри, размашисто шагая по высокой траве. Маленькая принцесса за ним едва поспевала, и ему приходилось умерять прыть. Признаться, ему не терпелось оказаться как можно дальше от заколдованного замка – ну не место там нормальному человеку, это он нутром чувствовал! Стоило, наверно, лошадей неподалеку оставить, но он ведь не знал, сколько времени проведет внутри, а бросать животных рядом с этой колдовской жутью... Нет уж, лучше своим ходом пройти немного! А принцесса... Потерпит принцесса. Если что, Генри ее и на руках донесет, она легонькая оказалась, совсем невесомая (да и то, поди, тут на платье больше тяжести приходится, решил он). Но – тут Генри покосился на девушку через плечо – не хлипкая. Он помнил, как она ухватилась за него, помнил ее руку в своей ладони – тоненькую, но не хилую. Вздумай он вот так выдернуть из подземелья какую-нибудь богатую девицу из тех, чьи отцы входят в состав правления какой-нибудь корпорации, не обошлось бы без охов и стонов, а эта молчала, будто воды в рот набрала. Оно, с одной стороны, вроде бы и хорошо, но с другой... С другой стороны, Генри предпочел бы иметь дело с нормальной девчонкой, которая и поплакать может, и понять – с этими он хотя бы знал, как обращаться! Что делать с принцессой, он пока не представлял.

– Пришли, – сказал он с большим облегчением...

...Идти пришлось не так уж близко. Возможно, это расстояние и показалось бы девушке небольшим, если бы на ней было надето не придворное платье и бальные туфельки, а более подходящий для прогулок костюм, но чего не было, того не было...

– Это ваш лагерь? – спросила она, озираясь. Хранить гордое молчание не было смысла, а восстанавливать единственного живого человека в округе против себя никак не годилось. Гордость ее могла немного и потерпеть, если на то пошло...

– Ну да. – Бродяга сунул большие пальцы рук за ремень, огляделся, негромко свистнул.

Будто из ниоткуда появились две тени, два рыжевато-серых пса, почти неразличимые в густой, выгоревшей на солнце траве. Они были почти одинаковы – крупные, ростом выше колена хозяина, широкогрудые, поджарые, с крепкими лапами и умными мордами, только у одного пса левое ухо не стояло торчком, наполовину висело, а у второго оказались светло-желтые пятна вокруг глаз.

Псы обошли пришлицу с разных сторон, принохиваясь – она видела, как шевелятся, втягивая воздух, мокрые черные носы. Это были не охотничьи собаки, совершенно точно, и не те, которых держали ради забавы. Нет, у них было совсем другое предназначение...

– Знакомься, – предложил бродяга и указал подбородком на псов. – Это Гром, а это Звон. Мои дружки-приятели.

– Почему... такие клички? – поинтересовалась девушка больше из вежливости. Видно было, что хозяин своими псами гордится, а нет лучшего способа расположить к себе человека, чем проявить интерес к его собаке или лошади.

– Потом поймешь, – осклабился бродяга. – Не стой, пойдём. Гром, Звон, свои! – Он указал собакам на девушку. – Охранять!

Псы подошли ближе, почти утыкаясь носами в подол ее платья. Вблизи видно было, что шерсть у них густая, пыльная – видно, они много дней провели в пути.

– Ты только не вздумай их гладить, – предостерег бродяга, шагая вперед. – Не любят они этого...

Девушка сочла за лучшее промолчать. Гладить чужих боевых псов, натасканных к тому же на человека, – что может быть глупее?

Маленький лагерь, устроенный на поляне в рощице, открылся во всей красе: удобно устроенное место не просто для отдыха, а для долгой стоянки. Кострище, небольшой – на одного человека – шатер, в землю вбиты колья, натянуты веревки, на них мотаются немудреные одежки: видно, хозяин недавно решил устроить стирку. И – чисто, ни объедков, облепленных роями мух, ни запаха...

Чуть поодаль фыркали лошади – девушка различала между деревьями их силуэты. Видно, кони паслись как можно дальше от замка, стреноженные, и было их не меньше трех. Путешественник подготовился к походу серьезно, его не случайно занесло в эти края, и... Что это могло означать?

Девушка снова огляделась. Замок невдалеке, рощица – раньше ее не было, но ведь сколько лет прошло, мог и целый лес вырасти, сгинуть и вырасти снова! Здесь все понятно и привычно, но вот дальше, за рощицей и везде, насколько хватало глаз, расстилалось бескрайнее море травы, по которому ветер гнал серебристые волны...

– Что это? – спросила она вслух. – Откуда это? Здесь никогда не было таких лугов. Там... – она указала направо, – там была деревня. А вон там – лес. Дальше – холмы. Где все

это? Почему вокруг одни луга?

– Это не луга. – Бродяга, опустившись на колени, разжигал костер. – Это прерия. Ты садись. Вот сюда садись, я тебе одеяло дам, чтоб не холодно было... – Он поднял на девушку глаза, и она подивилась, насколько светлыми они кажутся на загорелом дочерна лице...

...Гром и Звон к принцессе отнеслись вполне благосклонно, а вот датчики – не слишком. Они и так-то звенели, не переставая, – еще бы, это ж самое сердце Территорий, да еще и заколдованный замок поблизости! – и от этого звона уже с души воротило. Когда же Генри привел в лагерь девицу, приборы, измеряющие уровень присутствия магии в окружающем мире, и вовсе зашлись в истерику. Пришлось отключить – что этот самый уровень зашкаливает, Генри и сам знал, а слушать непрерывный визг проклятых датчиков никакого терпения не хватало! Принцессе-то хорошо: приборы настроены на него, только он и различает этот звон!..

Девушка вела себя спокойно, села, как было предложено, на сложенное одеяло, расправив мятый и грязный подол, выжидательно посмотрела на Генри... Все-таки было в ней нечто такое, что, несмотря на перепачканное платье и растрепавшуюся прическу, позволяло признать в ней знатную особу. (Вообще-то, общением с по-настоящему знатными особами Генри Монтроз избалован не был, но обладал хорошим чутьем, которое сейчас говорило ему – осторожно, парень, эта девчонка не из простых!)

– Я не представился, – сказал он и галантно снял шляпу. Шляпа была потертая, с дырочкой от пули – счастливая. – Генри Монтроз к вашим услугам!

– Генри? – произнесла девушка с непередаваемым выражением.

– Вообще-то, Анри, – он нахлобучил шляпу обратно, – но мне больше нравится первый вариант. Тебя как величать прикажешь?

– Мария-Антония, – ответила принцесса после короткой заминки.

Генри присвистнул. Что ж, имечко вполне подходящее для принцессы. В тех хрониках, о которых ему толковал Хоуэлл, говорилось, что ее звали то ли Марианной, то ли Антуанеттой, то ли еще как, а вышло...

– Мария, значит, Антония, – повторил он. – Длинно и для наших целей неподходяще. Мэри... Нет, не твое, какая из тебя Мэри, право слово... Энн? Тоже не то. Разве что Тони... Знал я одну красотку с юга, ее как раз Антонией звали. Ну так все вокруг – иду к Тони, иду к Тони, а женам-то и невдомек, что они к ней повадились шастать!..

Он осекся, заметив, что принцесса словно закаменела. Холоднющие серые глаза сделались вовсе ледяными, этого бы только дурак не заметил.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал он как мог мягче, а в душе проклял Хоуэллов, а заодно собственную жадность и авантюризм, погнавшие его на это дело. – Этикету не обучен, уж извини. Звать тебя как-то надо, и чем проще, тем лучше. Почему – потом объясню...

– Лучше объясните, что происходит вокруг, – подала, наконец, голос принцесса. Генри готов был поклясться, что она собиралась добавить что-то вроде «меня не волнует, как ты станешь меня называть, ничтожество!», но почему-то промолчала. И на том спасибо! – Почему я не узнаю окрестностей? Я понимаю, прошло много лет, но рельеф не мог измениться настолько сильно!

– Как раз мог, – хмыкнул Генри. Между делом он устраивал над огнем котелок – пора было ужинать, и готовить теперь предстояло на двоих. – Я, признаться, не очень

представляю, как и о чем тебе рассказывать. Ну да я в общих чертах изложу, что случилось после того, как тебя спать уложили, а дальше ты уж спрашивай. Идет?

Девушка кивнула.

– В общем... – Генри набрал в грудь воздуха, но внезапно понял, что не знает, с чего начинать. Решил сперва спросить: – В твои времена ведь магов было много?

– Пожалуй, – подумав, ответила принцесса.

– Ну вот. – Генри терпеливо ждал, пока закипит вода, чтобы засыпать в нее крупу. – Магов было много, придумывали они всякую всячину... и допридумывались.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурила тонкие бровки принцесса.

– Я имею в виду, случилось то, что мы теперь называем Катастрофой, – охотно поведал Генри. – Это было примерно лет пятьдесят спустя после того, как ты заснула. Вообще-то, нынешние маги утверждают, что все это случилось из-за пересечения каких-то там магических полей, переизбытка... а, я даже выговорить это не могу! Но вообще-то все уверены, что маги сами во всем и виноваты. Доигрались со своим могуществом, вот и...

– Я так и не поняла, что произошло, – перебила его девушка. Она потирала переносицу, словно у нее разболелась голова. Да и немудрено...

– Да никто не понял, – пожал плечами Генри. – Как бы объяснить... В твои времена уже карты ведь были? Карты мира?

– Конечно, – кивнула принцесса.

– Ну, изобрази вчерне. – Генри сунул ей прутик, разровнял золу около кострища.

Девушка взглянула на него, дернула плечиком и несколькими взмахами нарисовала на золе контуры той Европы, которую теперь можно было увидеть только на древних картах. Добавила очертания Черного континента и очень схематичное изображение того, что находилось восточнее Московии...

– А вы знали, что на западе, за океаном, есть еще один материк?

Принцесса посмотрела на него с недоумением, нахмурилась.

– Некоторые утверждали, что там будто бы есть острова, изобильные диковинами, – сказала она, подумав, – но никто так и не отправился туда.

– Не успели, – хмыкнул Генри и забрал у нее прутик. – Значит, вот примерно тут был этот материк... А потом вдруг все взяло и перемешалось.

– Как – перемешалось?

– Да говорю тебе, никто не знает! – вздохнул Генри. Тяжело было объяснять то, что привык принимать как должное! – Ну как если бы карту разрезали на кусочки, а потом разложили их по-другому! Тут вот был замок – а теперь вместо него тропический лес. Здесь болото было, а теперь раз – ледник, а то еще хлеще – огнедышащая гора! Или вот как тут... Были эти ваши леса и деревни, а теперь прерия. Этим местам больше всего досталось, сюда почти целиком Западный материк прилепился, вот осколочки остались вроде твоего замка... Там, восточнее, все-таки побольше сохранилось.

– Но... – Принцесса что-то обдумывала, хмурилась. Причем странно как-то: глаза ее, живые, смысленные, то и дело становились совершенно стеклянными. Генри знал кое-кого, кто выглядел примерно так же в глубокой задумчивости, но то – в глубокой, а тут... – Наверно, если материки сдвинулись с места, то были и землетрясения, и извержения вулканов, и наводнения... Как же выжили люди?

– Не было ничего такого, – с удовольствием сообщил Генри зазнайке. – А если было, то чуть-чуть. Народу, конечно, много погибло, но могло быть больше, если бы не маги. Они

говорят, будто сдержали силы природы, не дали им совсем людей-то раздавить... Но сдаётся мне, врут. Сперва сами что-то учудили, потом начали следы замечать...

Принцесса молчала. Видно было, что новая картина мира не укладывается в этой хорошенькой головке. Да где ей, подумал Генри с досадой, только и знала, поди, что на балах красоваться! Или чем там еще принцессы занимались?

– А как же люди уживались с новыми соседями? – задала она вдруг неожиданный вопрос. – Наверно, они даже не понимали их языка, ведь так?

– Ну... вроде того, – опешил Генри и потянулся почесать в затылке, сбивая шляпу. – Поначалу сложно было. Воевали даже... с испугу, не иначе. Потом привыкли. Ну и маги тоже... Придумали кое-что, чтоб хоть вожди друг друга понять могли!

– А остальные? – Принцесса задавала вопросы таким тоном, будто не сомневалась – на них обязательно ответят. Не могут не ответить. – Поделки магов стоили очень дорого, я помню. Они бы не упустили случая нажать. Так как обходился простой люд?

– Ну у тебя и вопросы... – Генри все-таки снял шляпу, бросил ее рядом с собой наземь. – Не знаю я. Как-то обошлись. Оттуда слово, отсюда слово, вот и договорились!

– Выходит, языки тоже смешались? – снова озадачила его девушка.

– Наверно, – подумав, ответил он. – Это у тоувов надо спрашивать, они в старых книжках копаются. Я одну видел, вроде слова знакомые попадаются, а так – ничего не понять! Тоув сказал, она на английском была...

– Английском, должно быть?

– Может, и так, – не стал спорить Генри. – Мне какая разница?

Принцесса помолчала. Снова потеряла переносицу, поморщилась, встряхнула головой, будто снова пыталась проснуться. Да уж, пожалуй, окружающее должно ей казаться кошмаром, да еще каким!

– Как тогда я могу понимать вас, если вы, скорее всего, говорите на смеси разных языков? – задала она неожиданный вопрос. – Я знаю несколько иностранных наречий, но и они должны были измениться за столько лет!

– А... – Генри криво усмехнулся. Девчонка умела зрить в корень, он не ожидал от нее такой прыти! – Вот...

Он прижал указательный палец к левому уху, отнял и продемонстрировал принцессе прозрачный шарик размером с ноготь.

– Пока у меня эта штука, я понимаю кого угодно, а они – меня, даже если я их наречия не знаю, – пояснил он, размял шарик пальцами и засунул обратно в ухо. – Если, конечно, такие языки туда заложены. Ты-то говоришь на старом европейском диалекте, ну, его маги в эту штучку засунули, так что...

– То есть если у вас не будет этого, – перебила принцесса, – я перестану вас понимать?

– Да нет, поймешь, наверно, с пятого на десятое, – рассудил Генри, – но это неудобно. Кстати, держи...

Он вытряхнул из кисета точно такой же шарик, протянул ей на ладони.

– Вложи в ухо, – сказал он. – Мало ли, с кем встретиться доведется, у них таких штучков может не быть. А так ты хоть поймешь, кто такие и чего хотят!

Генри едва не пропустил нужный момент – вода наполовину выкипела. Пришлось спасать положение, иначе ужин ждали бы еще долго.

– Так вот оно и тянется, – сказал он, просто чтобы не молчать. Это только кажется, что одному хорошо путешествовать, а за пару месяцев разговоров с лошадьми и собаками так

осатанеешь от одиночества, что и принцессе в качестве собеседника рад будешь! – И ничего. Живы.

– А как же короли? – задала ожидаемый вопрос девушка. – Выходит, владения их распались, и...

– Ну да, – не дал ей договорить Генри, высыпая в котелок крупу и помешивая, чтобы не прикипела. – Кто-то до сих пор цепляется за клочок земли с замком... вроде твоего. Их не трогают, они безобидные. Достопримечательности такие. А так... нету больше королей. Ну вот разве что у московитов царь есть, но их не так сильно Катастрофой потрянуло, как нас... Есть еще Желтые царства – Ханьское, Циньское... все не упомяну. Но, говорю, на востоке не так сильно все перемешало. Они по-старому почти живут.

– Они – пусть, – вздернула подбородок принцесса. – А здесь? Как же здесь люди обходятся без правителей?

– У нас теперь один правитель, – хмыкнул Генри, дождался, пока девушка недоуменно вскинет бровки, и добавил: – Золото. Ну что так смотришь? Не понимаешь? – Он помешал ложкой в котелке, сыпанул соли. – Представь, вот был мир и вдруг не стало. Какие-то непонятные места, а между ними – остатки того, что было. И там разные люди живут. Есть хотят, вещи им всякие нужны... Ну вот, кто первый сообразил, что теперь торговлей заниматься – самое важное дело, тот и выиграл. Только опасно это. Через Территории ходить...

– Территории? – нахмурилась девушка. – Это... те дикие земли с Западного материка?

– Ну, не только, – неохотно ответил Генри. – Разные. Просто... Я ж говорю – маги мудровали. Есть места спокойные, а есть... Не могу объяснить. Территории, в общем. Там особо делать нечего. Только торговцы через них ездят, за то им и платят...

Монтроз умолчал о том, что по Территориям всюю шляются такие типы, как он сам: из праздного любопытства или ради наживы, неважно.

– Хватит болтать-то, – поспешно сказал он, видя, что принцесса вознамерилась задать ему еще какой-то вопрос. – Уже готово все, сейчас миски достану...

– Благодарю, – вымолвила девушка будто бы с усилием. – Я не голодна.

«Ясно, куда уж нашей походной каше против этих... соловьиных язычков в сливочном соусе!» – хмыкнул про себя Генри, но тут же насторожился: с принцессой что-то было неладно. Слишком напряженное лицо, как будто она силится удержаться в сознании, а на самом деле сейчас грохнется в обморок.

– Эй, с тобой все в порядке? – спросил он, хмурясь.

– Разумеется, нет, – выговорила девушка. – Я бы хотела... побыть одна.

«Ага, – решил Генри. – Вон оно в чем дело!» Понятно теперь, отчего у нее такое лицо. Едва сдерживается, бедолага, чтобы не разреветься на глазах у постороннего человека, а это, должно быть, этикетом не допускается.

– Да сколько угодно, – сказал он. – Совсе избавить тебя от своего общества не могу, уж не обессудь, но можешь залезть в палатку, там ты меня хоть видеть не будешь!

– Благодарю, – наклонила голову принцесса, поднялась, посмотрела выжидающе.

Генри галантно откинул полог палатки, пропуская девушку внутрь. Как она намерена разворачиваться там со своим шлейфом и прочими нижними юбками, он не представлял. Однако все кружева и оборки как-то уместились в маленькой палатке, и воцарилась тишина. Как Генри ни прислушивался, он не мог различить ни единого всхлипа.

– Принцесса, – позвал он, вытащив из брошенной под самодельным навесом седельной

сумки тугой тючок. – У меня тут есть кое-что переодеться. Тебе, верно, великовато будет, ну да велико – не мало... Сама справишься или помочь?

Он спросил это без всякой задней мысли, зная, что знатные девицы и по сей день одеваются не иначе как с помощью горничных, а раздевать их – сущее мучение, столько на них всяких тряпок!

Принцесса не соизволила ответить, видимо, оказалась оскорблена до глубины души.

– Эй, – снова окликнул Генри и откинул полог безо всяких церемоний. – Ты не слышишь, что ли?

Она, наверно, и вправду не слышала. Лежала без движения на его одеяле, и он не сразу различил, что грудь ее едва заметно поднимается и опускается. Чувств лишилась, что ли? Чем черт не шутит...

Генри присел рядом с девушкой, пощупал пульс – вроде бы нормальный, да и дышит она ровно, и бледности нездоровой не наблюдается... Знатным девицам в случае обморока полагается распустить корсет, это точно, чтобы могли дышать. На принцессе корсет имелся, он почувствовал, когда вытаскивал девицу из подземелья и подхватил ее под мышки. Его расшнуровывать – целая история, а уж если шнуровка сзади... А если она очнется и решит, будто Генри покушается на ее девичью честь? С ней ведь потом не путешествие выйдет, а сплошная мука!

Нет уж, решил он, дышит и дышит, авось не помрет, если за четыре с лишним века сна не задохнулась! Сна?.. Генри внимательнее присмотрелся к девушке.

– Да чтоб мне провалиться! – сказал он с чувством.

Принцесса спала. Спала глубоким беспробудным сном. И теперь ясны стали ее странные жесты: это она пыталась удержаться в сознании и не уснуть, а он-то думал о головной боли...

– Ну и ну, – произнес Генри, не опасаясь разбудить девушку. – Это что ж, она всю дорогу дрыхнуть станет, а мне ее каждый час будить? Вот чертовщина...

Он помотал головой, выругался про себя и, оставив рядом с принцессой сменную одежду, задом выбрался из палатки и закрыл полог. Едва-едва успел – каша чуть не пригорела.

Выругавшись уже вслух, Генри снял котелок с огня и безо всякого аппетита принялся за ужин. Ему совсем не нравились эти странности. В предании было ясно сказано: принц разбудил спящую принцессу, весь замок тоже проснулся, устроили свадьбу, все жили долго и счастливо... А тут что? Принцесса какая-то не такая, просыпаться решительно не желает... Или дело в том, что он, Генри, никакой не принц? В смысле, не тот, кто должен был ее разбудить? Кто его знает, может, там заранее было уговорено, чей наследник обязан будет пробраться к заколдованному замку и обеспечить слияние двух королевств воедино путем бракосочетания с этой вот... Марией-Антонией!

«А, что гадать, – с досадой подумал Генри и свистнул псов – вылизывать котелок. После них отмывать посуду было легче легкого. А если воды в обрез, можно и не отмывать, Генри своих псов взял месячными щенками, сам их вырастил, а потому не брезговал есть с ними из одной миски. – Дотащить бы ее до Хоуэллов, они сами разберутся. А если что, в самом деле, перекину через седло и так повезу! Все хлопот меньше!»

С этой мыслью он раскатал у костра запасное одеяло, улегся на него и мгновенно уснул. Никого чужого к лагерю псы не подпустят, в этом он был уверен...

...Мария-Антония открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Кажется, ей приснился кошмарный сон, один из тех, которые длятся и длятся, и ты никак не можешь проснуться, а только ходишь по заколдованному кругу внутри собственного сновидения и уже не знаешь, где сон, а где явь...

«Но теперь-то я проснулась», – сказала она себе уверенно. Конечно, проснулась. Кажется, утро совсем раннее, низко над головой – матерчатые своды небольшого шатра, откуда-то снаружи слышно лошадиное фырканье, а вот шумно чешется собака... Такие знакомые, привычные и любимые звуки, она слышала их всякий раз, как доводилось выезжать на охоту и ночевать в лугах.

Девушка протянула руку, но рядом никого не оказалось. Как странно...

Она села, едва не задев головой ткань шатра – он оказался как-то слишком уж мал, даже охотничьи бывали побольше! И еще... Она оглядела себя. В тусклом утреннем свете, струившемся сквозь щель в неплотно закрытом пологе, Мария-Антония увидела когда-то роскошное, а теперь безнадежно испорченное платье. Шлейф бесформенным комом громоздился у нее в ногах, края нижних юбок посерели от пыли, бальные туфельки порвались, будто она долго шла пешком по бездорожью.

«Да. Так и было. – Принцесса сжала пальцами виски. – Мне не снилось. Вернее, мне слишком долго снилось... разное, и я перестала различать сон и явь и не узнала ее, когда она наступила...»

Вчерашний день постепенно всплывал в памяти. Сперва пробуждение – совсем не такое, каким должно было быть, потом тот странный человек, осмелившийся ограбить ее покойных родителей... (Мария-Антония схватилась за грудь – сверток с прядью волос матери оказался на месте. Хотя бы это оказалось не сном!) Потом долгая дорога по странным лугам, которые теперь назывались прерией, два боевых пса, и такой невероятный рассказ... «Четыреста с лишним лет? – переспросила себя девушка. – Разве такое может быть?» Но стоило лишь вспомнить, во что превратился ее родной замок, вспомнить останки родителей и придворных, чтобы поверить: да, оговоренные сто лет прошли, а за ними еще и еще, и никто не явился к ней, кроме этого странного человека.

Мария-Антония прикрыла глаза, припоминая его. Он был похож... да, пожалуй, на вольных охотников и торговцев, а еще опытных наемников, которых она помнила по своему детству. Взгляд такой же – взгляд человека, привыкшего искать выгоду, пусть даже таится она в очень опасных местах. Человека, привыкшего рисковать и получать за это плату. На такого можно положиться, если платишь ему достаточно. Если платишь ему – ты, а не кто-то иной.

На простого искателя приключений он... как же его имя? Ах да, Анри, то есть Генри Монтроз... Словом, он не походил на обычного странника, отправившегося в путь, разузнав о какой-то диковине. Нет, он на кого-то работал. На кого? Хорошо бы узнать...

И еще вещи, о которых он рассказывал: это совсем не укладывалось в голове. Чтобы привычного и вечного мира, в котором все идет по раз и навсегда заведенному порядку – войны можно не считать, это ведь часть того мира! – больше не было? Чтобы место его заняло нечто странное, невообразимое?.. Но, – девушка вспомнила бескрайние луга, нет, прерию вокруг, – похоже, Генри не лгал. Это совсем иная земля, чем та, что запомнилась ей. И люди теперь, должно быть, тоже иные... во многом. Но суть всегда одна, так говорил когда-то юной принцессе старый полумаг, наставлявший ее во всяческой премудрости. Люди могут меняться внешне, но внутри всегда будет то же, что было от начала времен, и это что-то всегда можно отыскать, если знать, как.

Генри Монтроз – наемник, вот единственное, в чем была уверена принцесса. Что ж, пусть так... И явился сюда он по какому-то делу, напрямую касающемуся ее персоны. Но не только ее лично, иначе для чего ему понадобились королевские регалии? А она помнила, что Генри положил их отдельно от прочих драгоценностей! И еще... часть останков ее родителей он тоже захватил. Зачем? Откуда вообще узнал о затерянном в этой самой бесконечной прерии старинном замке, о заклитии, как сумел проникнуть внутрь и разбудить ее?

Столько вопросов, и ни единого ответа... Впрочем, девушка полагала, что рано или поздно узнает все, если не от Генри Монтроза, то от его нанимателя, кем бы он ни был. Сам Генри может просто не знать истинной подоплеки событий, как многие исполнители, но то, чем он располагает, Мария-Антония вызнает.

И еще кое-что тревожило ее: собственное поведение. Отчего она вчера так странно обращалась с Генри? Она ведь умела быть благодарной, это едва ли не первое, чему обучил ее отец! «Простолюдины не знают этикета и не понимают намеков, – говорил он ей, – но они очень проницательны по-своему. Если простолюдин оказал тебе услугу, поблагодари его искренне, и, может статься, не понадобится и плата. С твоей головы не упадет корона, если ты благосклонно кивнешь леснику, указавшему тебе дорогу, или поблагодаришь крестьянку, поднесшую парного молока. Или, скажем, ответишь на нижайшую просьбу ремесленника, кинувшегося под копыта твоего коня! А эти люди запомнят тебя не чванливой недосыгаемой куклой, а живым человеком, и расскажут об этом своим детям. Мелочь? Может быть. Но и такие мелочи, бывает, меняют историю, ты же знаешь...»

Она знала, конечно, она прилежно училась и помнила, что, бывало, королей спасали такие вот ремесленники и крестьяне, запомнившие добро. Люди ведь недалеко ушли от зверей, говорил ей старенький священник, которого едва не сожгли на костре в родной обители за ересь; ему чудом удалось избежать страшной гибели, и с тех пор он долго скитался по свету, пока не нашел пристанище в доме отца Марии-Антонии: тому все равно было, в каких заумных теориях старик разошелся с высшими церковниками, был бы грамотен да смыслил в кое-каких науках... а церковь в этом маленьком королевстве никогда большой силы не имела. Такие уж места, почти дикие, говорили на просвещенном юге.

Люди недалеко ушли от зверей, не уставал повторять искалеченный дознаниями старичок. Они запоминают добро, они не прощают и не забывают зла, пусть даже церковь учит иному, и они не любят тех, кто мыслит иначе. Просто природу не переделать, как ты ни старайся. Наверно, кому-то это удастся, но их единицы, и их знают по именам – перечислика святых, Мария-Антония, пора заняться делом!

Так отчего же она вчера повела себя с человеком, по сути, спасшим ее, так грубо и заносчиво? Мария-Антония не хотела думать о том, что случилось бы с нею, очнись она от многовекового сна в пустом замке, а это, наверно, вполне могло случиться, ведь заклитие явно слабело с годами... Она бы даже не смогла выбраться наружу, не зная о том подземном ходе, черный лес не выпустил бы ее, и она умерла бы от голода и жажды: ведь в кладовых все давно обратилось в прах! Генри Монтроз был груб, как многие наемники, которых ей доводилось видеть, но он ее спас, этого нельзя отрицать. Так в чем же дело?

«Это все сон, – решила она, поразмыслив. – Мне снилось, что я... Да, я принцесса, ожидающая прекрасного принца. Тот маг правильно сделал: если бы снилось что-то другое, можно было бы сойти с ума, а так... Я все это время провела в сказке, ведь ожидание чуда не менее прекрасно, чем оно само! И я, кажется, слишком свыклась с этим... – Она усмехнулась, перебирая кольца на пальцах. – Когда же пришел человек из реального мира,

моя сказка не приняла его, а я, должно быть, не избавившись еще от сонных чар, оставалась такой принцессой, какой была в придуманной истории. Такой, какими видятся принцессы простолюдинам...»

Так это или нет на самом деле, она сказать не могла. Спросить бы того мага, но его, конечно, давно нет в живых... Ничего, она разберется и сама. А пока нужно подумать о вещах более насущных!

Оглядевшись, девушка наткнулась взглядом на какой-то сверток. Кажется, его не было, когда она забралась в этот маленький шатер, одолеваемая сном. Должно быть, оставил его этот наемник...

Мария-Антония развернула тючок: так и есть, рубашка, мужские штаны, куртка, кое-какие мелочи. Она критически осмотрела одежду. Штаны, пожалуй, придутся впору, если как следует затянуть ремень, а вот остальное... Кажется, Генри рассчитывал на более крупную девушку!

Принцесса усмехнулась и сняла с пояса кошель: кроме зеркала и гребня, в нем лежал набор для шитья, какие в ее времена носили все знатные дамы. А уж шить она умела, этому обучали всех девушек. Конечно, ей больше пристало вышивать шелками, но и подогнать одежду по себе она была в состоянии. Все равно ведь больше нечем заняться, так отчего бы не полезным делом?

Вот только было темновато, и принцесса, поколебавшись, откинула край шатра с задней стороны. В проеме тут же показался мокрый черный нос, усиленно втягивающий воздух. Понятно: собаки Генри несут стражу...

– Я не собираюсь убежать, – сказала девушка псу. Которому из двух, она пока определить затруднялась. – Не мешай мне, будь добр. Здесь и так мало света...

Пес шумно вздохнул и завозился: устраивался поближе, чтобы следить за подопечной. Второй, должно быть, обходил лагерь дозором. Прекрасные псы, невольно подумала принцесса, отличная выучка, интересно, Генри сам их натаскивал? И пожалела еще о страшных – для чужих, конечно, – зверях, что остались спать на псарне вечным сном. Был бы сейчас при ней верный волкодав, что приходился ростом девушке по пояс, стало бы куда спокойнее... Да и у ложа своего Мария-Антония с куда большей охотой положила бы такого пса, а не болонку. Но обычай, обычай: иной принц, должно быть, побоится подойти к принцессе, которую охраняют такие чудовища... Тем более те могут проснуться раньше хозяйки и попросту разорвут гостя.

Усмехнувшись своим мыслям, девушка снова взялась за иглу. Принцесса не может выглядеть недостойно, даже если на ней рубашка с чужого плеча и сапоги на два пальца больше, чем нужно!..

...Генри разбудил странный звук – что-то звонко треснуло, будто кто-то разодрал длинный кусок материи сверху донизу. Он вздрогнул и открыл глаза. Звон преспокойно дрых по другую сторону кострища, Грома не было видно, но он помалкивал, стало быть, все в порядке.

Тогда что это был за звук? Генри прислушался и обнаружил, что из палатки доносится шорох, шелест, потом снова что-то треснуло, и все стихло.

– Принцесса, – окликнул он, приподнявшись на локте. По имени он к ней обращаться пока что не стал, пусть обвыкнется маленько... – У тебя там все в порядке?

– Благодарю за заботу, – откликнулась та после короткой паузы. – Все хорошо, не стоит

беспокойства...

Генри сел и озадаченно взлохматил себе волосы. Тон принцессы разительно отличался от давешнего. Вчера она либо цедила слова сквозь зубы и смотрела на Генри как на червяка какого-то полураздавленного, либо попросту допрашивала. Пока не отключилась. Сегодня, правда, говорила она холодновато, но достаточно дружелюбно... «Поди пойми этих баб, – в сердцах подумал он. – Что ей еще в голову вступило?»

Полог палатки откинулся, и девушка выбралась наружу. На ней был подобраный Генри мужской костюм; правду говоря, он рассчитывал, что девица окажется побольше ростом и пофигуристее, но принцесса подтянула пояс потуже, и вышло совсем неплохо. На ремне висел поясной кошель, тот самый, кажется, что был при ней прежде, только драгоценная отделка с него исчезла. А рубашка вроде и в самый раз, присмотрелся он, да и куртка ничего так сидит. А вот интересно бы знать, как она обувь натягивала? Вряд ли принцессы умеют портянки наматывать... Сотрет ведь ноги ко всем чертям! С другой стороны, пешком ей ходить особо и не придется...

– Что прикажете делать с этим? – Девушка протянула Генри охапку тряпья, бывшего когда-то праздничным платьем. – В костер?..

Ага, вот и корсет, стыдливо спрятанный среди кружевных нижних юбок. И будь Генри проклят, если шнуровка не распорота! Значит, у принцессы имеется при себе что-то острое, но вот где она это что-то прячет? Хотелось бы знать, во избежание неприятных инцидентов, но не обыскивать же ее! Станешь врагом на веки вечные, а им еще столько времени быть с глазу на глаз...

– Давай. – Он отобрал у нее ношу. Решила вести себя нормально – и слава всем богам, главное, чтобы эта блажь у нее не прошла! – Это точно в костер... И это... Нижнее на тряпки пойдет. Мало ли что...

А вот само платье надо бы сохранить. Сейчас такого – и *так* – не шьют. Ручная вышивка, драгоценности, и плевать, что грязное и мятое!

Генри аккуратно расправил платье, сложил, перевел взгляд на принцессу, примостившуюся на сложенном одеяле у костра. Ее высокая пудренная прическа смотрелась нелепо и неуместно с мужской одеждой.

– Ты бы волосы-то распустила, – сказал он, добавляя в похлебку приправ. – Там вон за деревьями ручей есть, можешь пудру смыть. Вода холодная, но на солнышке оно ничего... Неудобно ж, поди?

– Да, пожалуй, – откликнулась девушка.

В голосе ее послышалась сдержанная усмешка, и Генри поднял глаза – как раз вовремя, чтобы увидеть, как принцесса уверенно берется за волосы повыше ушей... и снимает эту свою замысловатую прическу с такой же легкостью, как Генри – шляпу.

– Ну ничего себе! – сказал он, когда девушка аккуратно положила парик рядом с собой и распустила волосы.

Принцесса оказалась довольно коротко стриженной – волосы только-только до плеч. Генри присмотрелся – сквозь пудру на ее носу отчетливо проступали веснушки.

– Это... – Генри пытался придумать, как бы задать вопрос и при том не обидеть девушку.

Монтроз помнил, что среди останков дам в тронном зале он остовов париков не заметил. Хотя... он не приглядывался особенно, его больше интересовали драгоценности. Может, у них мода такая была!

– Я болела, – ответила принцесса на его невысказанный вопрос. – Пришлось остричь

волосы, и они не успели отрасти настолько, чтобы можно было уложить в прическу.

– А-а, – глубокомысленно заметил Генри, взяв на заметку эти слова. Болела, значит? А как же всемогущие придворные маги? Любопытно... Но выяснять это именно сейчас он не собирался. – Все равно иди умойся. Доварилось уже.

Принцесса не заставила себя упрашивать, встала, отправилась к ручью. Генри кивнул Грому – мол, сопроводи. Пес отправился следом. Можно быть спокойным – Гром присмотрит...

Девушка вернулась быстро. Умытая, она растеряла аристократическую бледность (та явно была обязана происхождением пудре), оказавшись мало того, что веснушчатой, так еще и загорелой. Пусть не сильно, но, во всяком случае, у девиц, которые безвылазно сидят дома (как все богачки, которых доводилось знать Генри), не бывает такого цвета лица. Не бывает, и все тут!

– Волосы-то собери, – мрачно сказал Генри, снимая котелок с огня. – Не на балу. На, шнурком перевяжи...

Последний штрих – заплетенные в две короткие косички рыжеватые волосы – его добил. Эта девица могла быть кем угодно, но только не принцессой Марией-Антонией. У принцессы не должно быть веснушек, обветренных щек и такого взгляда. Принцессы – они... нежные. Цветы, в общем. А это... сорняк какой-то. Нет, конечно, если ее одеть по-старому, натянуть парик, напудрить, то все будет хорошо, а так... Девчонка с фермы. Как бы Хоуэллы не решили, что Генри их дурит!

– Ешь, – сказал он мрачно, плеснув похлебки в миску. – Разносолов нету, не во дворце.

– Благодарю, – церемонно произнесла девушка.

Даже у костра она сидела, гордо выпрямившись. Рассветное солнце осветило принцессу, всю целиком, и волосы ее полыхнули таким глубоким золотом, что Генри зажмурился на мгновение, и вся она оказалась облита ярким утренним светом с головы до ног, только глаза по-прежнему оставались двумя льдинками на бесстрастном лице...

Хоуэллы не заподозрят его в обмане, – понял в этот момент Генри. Уж им-то достаточно будет единожды увидеть Марию-Антонию, чтобы понять, кто она такая и чего стоит...

– Ты можешь называть меня Тони, – сказала принцесса, перебив его мысли, и вдруг улыбнулась, невесело, но искренне. – Так звали меня... дома.

– Ладно... – ответил Генри, не понимая, что это вдруг нашло на девицу и с чего она решила говорить ему «ты». – Идет.

– Я повела себя безобразно, даже не поблагодарив тебя за спасение, – продолжила она, поднося ко рту щербатую ложку. Генри невольно устыдился за состояние своей походной посуды. – Прими мою благодарность сейчас, Генри Монтроз. А плату за это, – добавила она не без издевки, – думаю, ты уже взял.

«Господи, она что, нормальная? – не поверил тот ушам своим. – Не дура, не истеричка... стерва, может быть, но нормальная?»

– Да уж взял... аванс, – кивнул он. – И вчера еще добавил. Уж не обессудь, твое высочество... или величество теперь уже, наверно. Я человек простой, жить на что-то надо.

– Понимаю, – кивнула принцесса. – Я даже могу сказать тебе, как войти в сокровищницу. Я ведь знаю все ключи от всех заклятий, Генри... – Она смотрела на него в упор, и от этого взгляда хотелось передернуть плечами, поежиться, как от сильного холода. – Но верни то, что принадлежит только мне. Я не претендую на регалии отца, раз уж королевства больше нет, но драгоценности моей матери...

– Эти? – Генри вынул из-за пазухи сверток, бережно развернул. Да что ж нашло на девицу?!

– Да, – кивнула она, не отводя взгляда. – Только подумай: все сокровища замка в обмен на один-единственный гарнитур! Он ведь ценен для тебя только камнями и древностью своей, не так ли? Ну так в сокровищнице есть еще более древние и великолепные вещи, бери что захочешь! А это – память о тех, кого я никогда больше не увижу, кого я даже не могу предать достойному погребению...

Генри мотнул головой, избавляясь от наваждения. Ну, здорова зубы заговаривать!

– В замок я больше не пойду, – сказал он, покачивая драгоценности покойной королевы на ладони. – Опасно. Да и... нехорошо там. Что до побрякушек, спасибо, конечно, но я себе присобрал на пару жизней, и хватит. Больше все равно не протяну, – хмыкнул он. – А что до этого... Не могу тебе отдать. Себе не возьму, ты не думай, мне и так хватит, но...

– Ты должен показать это хозяину? – спросила девушка, и Генри только вздохнул. Ну, впрочем, догадаться не так уж сложно!

– Ну да, – ответил он. – Ты пока не спрашивай, что к чему и почему, я сам не очень понимаю. Мне и не положено. Вот доедем, тогда ты его и выпрашивай, а я так... Делаю, что сказано. Хорошо делаю, – добавил он не без самодовольства. – Наверно, тот, кто меня нанял, тебе твои побрякушки отдаст, у него и так выше крыши. Но я – не могу. Ясно?

– Вполне, – улыбнулась принцесса. Ух, но до чего же холодные глаза! И будто изучает его, рассматривает сверху донизу, прикидывает, как лучше использовать. У Хоуэллов у обоих почти такие же глаза, но они это как-то скрывают, чтобы людей не пугать, а вот она...

– Оно правда древнее? – спросил Генри невпопад, чтобы переменить тему.

– Теперь – несомненно, – ответила она все с той же непонятной усмешкой. – Но и в мое время... Это – «Сердце пламени». – Девушка коснулась самого крупного рубина в ожерелье. – Прадед моего прадеда привез его из похода на самый дальний восток. По преданию, он снял его с головного убора тамошнего военачальника, которого убил в бою, и с той минуты от дикарей отвернулась удача...

– Еще бы, без военачальника-то, – хмыкнул Генри.

– Это – «Кровь луны». – Принцесса дотронулась до другого камня, поменьше, но, казалось, более яркого. – Истинный свой цвет он обретает только в полнолуние. Его привезли из-за моря, там он принадлежал какой-то языческой жрице, почитавшей Луну как богиню, отсюда и название. Но он и в самом деле хорош в лунные ночи...

– И что, у каждого камушка есть свое имя? – не удержался Монтроз.

– Разумеется, – серьезно ответила девушка. – И если тебе интересно...

– Очень! – заверил он, завернул ожерелье и спрятал. – Вечерком на привале непременно расскажешь, а пока пора и делом заняться. Время теряем, а его и так в обрез!

– Ты не скажешь, куда и зачем собираешься везти меня? – Лицо принцессы было сама безмятежность, но Генри уже понял, что нарвался не на тепличный цветок, а на... черт его знает, на что именно!

– Всеу свое время, – ответил он уклончиво. – Ты не бойся, ничего дурного тебе не сделают. Никто не сделает, а я тем более. В том смысле... – Он мотнул головой. – Короче, я не знаю, как у вас по этикету там положено, но говорю сразу: пока мы в пути, ты для меня просто ценный груз, ясно? Руки распускать не стану, кому чужому тоже грабли поотшибаю, если что. Но и ты понятие имей, – добавил Генри, подумав. – Договорились?

– Думаю, да, – после паузы кивнула принцесса. – И когда же мы отправимся в путь,

Генри?

– Ну не сию же секунду! – огрызнулся он. Лучше бы спала, право слово! Теперь расспросами замучает... – Лагерь надо свернуть, а кроме того... Увидишь, в общем!

– Хорошо, – серьезно сказала девушка. – Могу я задавать тебе вопросы?

– Можешь, – с тяжелым сердцем разрешил Генри. – Но если я на какой-то из них не сумею ответить, я так и скажу. Или «не знаю», или «не могу». Идет?

– Идет, – помолчав, ответила принцесса. Похоже, она очень быстро приспособилась к изменившемуся миру...

4

– Не допустили ли мы ошибки? – произнес Ивэйн Хоуэлл в пространство.

Он стоял у камина, глядя в огонь, высокий, сухощавый – тень его шевелилась у ног, будто живая.

– Отчего вдруг такой вопрос? – Рональд Хоуэлл покачивал в ладонях широкий бокал – его молочно-белое содержимое, казалось, слабо опалесцировало, иногда взблескивая неожиданной искрой. Так оно и было на самом деле: «Белый опал», редкое и дорогое вино из Ханьского царства, было по карману далеко не каждому. Да и поди еще достань... – М-м... Ив, отличное вино. Конфискат?

– Разумеется, – усмехнулся его брат. – Ты же знаешь, что Хань торгует только с одной корпорацией, и это не мы.

– Можешь не напоминать, – криво улыбнулся в ответ Рональд.

Увы, восточные владыки были упрямы и не понимали собственной выгоды, не желали прислушаться к заманчивым предложениям других корпораций. У них имелись какие-то свои, крайне замысловатые понятия о деловой этике, не разберешься с ходу. Только те, кто имел с восточными людьми дело на протяжении жизни нескольких поколений, мог более-менее точно предсказать их поведение, но... Пытаясь понять тех же ханьцев, люди Запада постепенно превращались в людей Востока, и налаживать с ними отношения было задачей непростой.

– Так о чем ты толковал? – напомнил младший Хоуэлл.

– О нашей затее, – покосился на него Ивэйн. – Времени прошло много, а известий...

– Известий пока нет, – кивнул Рональд. – Но те сведения, что мы успели получить, доказывают – мы движемся в верном направлении.

– Это свидетельство всего лишь одного человека, дилетанта к тому же, – нахмурился старший Хоуэлл. – Ни один из специалистов до места пока не добрался, и...

– Ни один из специалистов, работающих на конкурентов, не добрался тоже, – тонко улыбнулся ему в ответ близнец. – И, не забывай, наш человек снабжен всеми необходимыми измерительными приборами, поэтому на его доклады можно положиться.

– Ты так уверен? – Глава корпорации взял со столика свой бокал, покачал в нем вино, заставив его поверхность заиграть разными красками. – Ты можешь поручиться, что он не перекуплен тем же «Кармайклом»?

– Стопроцентной гарантии дать не могу. – Рональд прикрыл глаза. – Но прежде этот человек не подводил. Кроме того, наши информаторы в других корпорациях не сообщают ничего такого, что дало бы пищу к подобным размышлениям. А они...

– Я помню, сколько мы им платим, – оборвал Ивэйн. – И все же, Рон... Время идет. Подтверждений нет. Нет их и у остальных, конечно... Но выходит, мы играем на пустоту, представления не имея, стоит ли оно того!

– Разве это нам в новинку? – усмехнулся Рональд.

– Нет. – Старший Хоуэлл опустился в кресло напротив брата. – Но в этот раз на кону слишком крупная ставка, не находишь?

– Либо вовсе никакой, – поддел тот, но тут же посерьезнел. – Я понимаю, Ив. Я знаю, какие надежды ты возлагаешь на это месторождение, и рад был бы сам отправиться на Территории, чтобы подтвердить наши права на него, но... Пока нужно ждать. Просто ждать.

Темные глаза встретились с точно такими же напротив. Взгляды скрестились, и наконец Ивэйн опустил голову.

– Еще месяц, – сказал он. – Даю твоему человеку еще месяц. Если по истечении этого времени не появится никакой определенности, мы отправим туда настоящую экспедицию. Без разницы, выгорит то дело или нет, месторождение будет нашим.

– Хорошо, – кивнул Рональд. Он ничуть не обеспокоился: по его расчетам, рейнджер должен был вскоре выйти на связь. Шансов на успех было... примерно половина. Или Рональд был прав, или нет. Или рейнджеру удастся невозможное, или нет. Так или иначе, определенность, которой так жаждал Ивэйн, должна была вскоре наступить. – Не нервничай, Ив. Мы будем первыми.

– Хотелось бы надеяться, – проворчал Ивэйн и хотел было коснуться своим бокалом бокала брата, но тот вдруг отстранился. – В чем дело?

– Я оставил дурную новость напоследок, – ответил тот, и по лицу его старший близнец понял, что весть в самом деле нехороша. – Тоув Стефан пропал.

– Что значит – пропал? – нахмурился Ивэйн.

– Исчез, – обронил Рональд. – Его нет дома, его нет в библиотеке, его никто не видел с позавчерашнего вечера. Кроме того, пропал и человек, который присматривал за ним, а это означает...

Глава «Синей птицы» отставил бокал и негромко выругался. Простаков и дураков Рональд к подобным людям не приставлял, стало быть, кто-то убрал хорошего профессионала, чтобы добраться до старого тоува. Нет, конечно, это может быть и совпадением: человек Рональда взял и запил или под лошадь попал, а тоув просто так увлекся беседой с кем-нибудь, что забыл о времени и о собственном доме, с ним такое случалось. Вот только Ивэйн не верил в подобные совпадения.

– Поиски?..

– Ничего не дали, – отозвался брат. – Исчез бесследно. Все вещи на месте. Видимо, брали его на улице.

– Ясно...

Скорее всего, тоув уже в руках конкурентов: те не могли не обратить внимания на странный интерес Хоуэллов к почти спятившему старику. Известно, что близнецы ничего не делают зря, а значит, старикашка вполне может что-то знать, что-то очень ценное... И речь не о месторождении как таковом: информация о нем уже просочилась, несомненно. Намного хуже, если конкурентам станет известно о козыре, который Ивэйн хотел приберечь напоследок. Слабый козырь, что и говорить, не более семерки, но уж какой есть, хватит, чтобы посеять сомнения и потянуть время...

– Выясни, кто мог взять тоува, – отрывисто приказал он брату.

– Уже, – ответил тот. – Наиболее вероятный противник – «Кармайкл», сам понимаешь, но они обычно так не действуют. Я бы поставил на «Черного дракона».

Ивэйн снова выругался, на этот раз уже в полный голос.

– Уверен?

– Их методы, – пожал плечами Рональд. – Никто ничего не видел. Они сняли моего бойца, а это был человек не из последних. Кто, кроме их людей, способен на такое?

– Очень скверно...

– По последним данным, они собирались расширить зону влияния, – напомнил Рональд. – До нас доходили слухи еще в прошлом году.

– Это для них отличный шанс, – хмыкнул Ивэйн и залпом выпил вино, не разбирая вкуса. Да уж, такой противник... это не шутки. – Остальных ты исключаешь полностью?

– Нет, – ответил брат. – Они могли помогать «Черному дракону». Сам знаешь, чтобы свалить нас, многие пойдут на сделку...

– Глава «Кармайкла» не настолько безумен, чтобы вступать в сделку с этими... – усмехнулся Ивэйн. – Ему пока дорога и голова, и имущество корпорации. Кто помельче – возможно, они могут поставить на кон все... Но ситуация заметно осложнилась, не так ли?

– Да, – ответил Рональд. Взгляд его был холоден и спокоен, как обычно, и брат не мог прочитать на его лице тревоги. Таков он был, младший Хоуэлл, не привыкший паниковать раньше времени. – Чудом будет, если наш человек вообще доберется до места, а если ему удастся вернуться, я, должно быть, уверую в высшие силы!

– Я даже завидую верующим, – хмыкнул старший брат. – Сейчас самое время помолиться за успех предприятия. Но что поделаться... Мое слово остается в силе: я даю ему еще месяц. С одной поправкой: если он выйдет на связь... пусть это будет первый и единственный раз. Ты понимаешь?

– Конечно, – ответил Рональд. Да, рейнджеру придется тяжело. Но пусть лучше пытается пробиться в одиночку... если действительно что-то найдет, конечно, чем попадет прямо в руки конкурентам. Сигнал связи можно отследить, даже и на Территориях, если есть достаточно сильные маги и хорошая техника, а у «Черного дракона» в избытке и того и другого. – Он справится. Правда, ему придется заплатить сверх оговоренного...

– Ты разве не предупредил его о возможных... хм... действиях противника?

– Предупреждал, – сказал тот. – Но тогда не шло речи о «Драконе». Сам понимаешь...

– Подними плату вдвое, – отрезал Ивэйн. – Или впятеро. Это мелочи. Но если у этого рейнджера хоть что-то получится, в чем я сильно сомневаюсь...

– Не начинай сомневаться раньше времени.

– Я просто не надеюсь раньше времени, – усмехнулся старший Хоуэлл и налил еще вина. – Тогда разочарование не кажется настолько горьким...

– Что ж, оставляю тебе это обыкновение, – ответил улыбкой младший. – Мне же позволю быть немного оптимистичнее. Я предлагаю выпить за успех.

– Мифический успех.

– В наши времена многое считается мифами, – пожал плечами Рональд. – Но кое-что оказывается правдой. Уж нам ли не знать...

– Мы пока не знаем, – ответил Ивэйн. – Но если мы убедимся в твоей правоте и правоте этого безумного тоува... что ж, я поставлю ящик такого вина!

– Договорились, – без тени улыбки сказал младший Хоуэлл, и бокалы тонко прозвенели, столкнувшись прозрачными стенками...

...Генри собирался быстро и сноровисто: это Мария-Антония могла оценить. Шатер – теперь говорят «палатка», нужно запомнить, – превратился в аккуратный тючок, одеяла и прочие вещи мужчина тоже складывал очень компактно, перетягивал поклажу ремнями. Ей заняться было нечем, не котелок же в ручье мыть! (Судя по взгляду Генри, тот как раз собирался предложить ей это занятие, но почему-то передумал. Должно быть, сообразил, что принцесса вряд ли умеет мыть посуду, тем более – котлы, тем более – в холодной воде...)

– Пойдем, – сказал он, тщательно прикрыв кострище специально снятым дерном – сразу не разглядишь, если не присматриваться нарочно. – Лошади у меня тут неподалеку.

– Я видела, – ответила девушка.

Она в самом деле их разглядела, когда ходила к ручью: неподалеку паслись три крепконогие лошадки. Не призовые скакуны, но, видно, выносливые и достаточно быстрые. Да и то, если рассудить: разве в этой бескрайней прерии нужен породистый привередливый конь? Нет, должно быть, это какая-то местная порода, неприхотливая и приспособленная к тяготам пути...

Генри взвалил на одно плечо тяжелый мешок, на другое – тюк с палаткой и прочим, в руки взял еще что-то... По всему выходило, что ему придется вернуться в лагерь за оставшимся.

– Почему ты не приведешь сюда лошадей? – спросила принцесса. – Так удобнее.

– А то я сам не знаю, что колодец за ведром не ходит! – фыркнул Генри, пытаюсь поудобнее пристроить свои пожитки на спине. – Лошадям тут скверно. Вроде и небольшое расстояние, а чуть ближе подведу – начинают нервничать. Все от замка твоего... Я сам-то устроился, где поудобнее, а их пришлось там, у ручья держать. Текучая вода – она всякую пакость поодаль держит, имей в виду.

– Я знаю, – усмехнулась девушка и, подумав, взяла из рук Генри довольно объемистый, но нетяжелый сверток. – Я могу понести еще что-нибудь.

– Ты точно принцесса? – серьезно спросил он, но отдал ей еще кое-какие пожитки, тоже легкие, на которые у него попросту не хватало рук.

– Ты сомневаешься? – поинтересовалась она холодно. – Желаете, я расскажу тебе свою родословную до двадцатого колена?

– Нет, избавь! – рассмеялся Генри. – Пойдем. Кстати... – спохватился он вдруг. – Ты верхом умеешь ездить?

– Конечно. – Принцесса покосилась на него с недоумением. Ну не думает же он, в самом деле, что наследница престола в жизни не садилась на лошадь?

– Я имею в виду, по-мужски, – уточнил он. Кажется, это его действительно заботило, и немудрено: если окажется, что спутница не держится на лошади, это сильно затормозит продвижение. – Сейчас девицы все больше в дамских седлах, а у меня такого нет, уж не взыщи...

«Может, и стоило прихватить,» – читалось по его лицу.

– Я умею ездить по-мужски, – ответила Мария-Антония, и Генри вздохнул с облегчением.

Больше она ничего не сказала, пока они не добрались до рощицы, где Генри привязывал своих лошадей...

...Принцесса, похоже, не собиралась расставаться со своей блажью и вела себя

примерно. Вызвалась даже поднести кое-что из поклажи, чего Генри вовсе от нее не ожидал. Ан поди ж ты... Вчера сама-то еле шла, а сегодня готова помочь! Он едва не предложил ей помыть посуду, но вовремя одумался: снова ожжет ледяным взглядом за такое нахальство, хватит уже... Котелок и псы вылизут, как обычно, помыть потом можно.

– Вот, стало быть, мои красавицы, – сказал он, сгружая ношу в траву.

Гнедой мерин подошел к хозяину, фыркнул ему чуть не в лицо: что, мол, совсем забросил верную скотину! Пегая кобылка, которую он приготовил для принцессы, тоже подобралась ближе, видно, соскучилась. Третья лошадь, вьючная, никакого интереса при виде людей не выказала.

– Знакомься, – сказал Генри. – Этот гнедой – Шуш, пегая – Шия. А эту никак не звать.

– Она какая-то странная, – заметила принцесса, не сводившая глаз с вороной лошади. – Она... Я не разберу – дышит ли?

– Через раз, – ответил он. Вот ведь глазастая оказалась! – Не бойся. Это, по сути, лошадь как лошадь, только... ну... не очень живая.

– Как это? – Девушка уставилась на него. Кажется, не испугалась, и на том спасибо, но заинтересовалась. – Я слышала, маги умеют поднимать мертвых, но долго те не служат, ведь плоть разлагается, если не поддерживать ее в сохранности сложными заклятиями, но... ты ведь не маг, не так ли?

– Я – нет, – лаконично ответил Генри, навьючивая на безразличную вороную свои пожитки. – Но с тех пор, как мир, скажем так, перевернулся, маги много чего напридумывали. Им одно время все очень хотелось сделать такую вот тварь: вроде живую, только чтобы не ела, не пила, слушалась беспрекословно...

– Я тоже такое помню, – вставила принцесса. – Мой наставник говорил, что кое-какие маги пытались так создать идеальных солдат, послушных и не боящихся ни боли, ни смерти. Только тогда у них ничего не вышло... к счастью, должно быть.

– У наших вышло, – обрадовал Генри, проверил, как затянуты ремни, и принялся седлать своего коня. – Правда, дошло ли дело до людей, я не знаю. Но с животными баловались. Такая вот коняга, – он кивнул на вороную, – стоит если не на вес золота, то где-то около того... Сложно, говорят, их делать!

– Откуда же она у тебя? – Девушка подошла к вьючной лошади, осторожно коснулась гладкой шкуры. – Ты ведь простой наемник, ведь так? Или тебе ее дал хозяин?

– Нет, – хмыкнул он. Зрит в корень, чтоб ее... – Хозяин бы так не разорился. Это у меня... ну, трофеей вроде как. Раздобыл случайно...

Ну, положим, не вовсе случайно. Тогда он помогал небольшому отряду делакотов взять скромный караван, который зачем-то занесло на Территории: в этом деле нужен был белый, которого бы подпустили поближе. Ну а там дело известное: сторожей снять, костер затушить... Работы всего ничего, вознаграждение приличное, особенно если считать эту вот вороную: делакоты-то ее брать не желали, они вообще к порождениям чужой магии относятся с большой опаской. А у какого-то богатого купца из этого каравана под вьюками оказалась эта красавица, что ж не взять? Содержимое вьюков Генри отдал делакотам, ему там ничего не приглянулось, а лошадку захватил с собой. Думал продать за большие деньги: она ему не по карману, очень уж в глаза бросается, – а тут подвернулось задание от Хоуэллов... Он и решил, что лучшего и желать нельзя: эта скотина, не живая и не мертвая, унесет на себе столько, что никакой нормальной лошади не под силу, кормить и особо обихаживать ее не надо, а что тварь неприятная... можно и потерпеть. Вот если бы еще она

магии не шугалась, как и нормальные лошади, ей бы и вовсе цены не было!

– Одна с нею беда, – закончил Генри свою повесть и затянул подпругу. – Верхом ездить очень несподручно. На редкость тупая скотина... вслед моим-то пойдет, а верхом сядешь – вот ей-богу, деревянная колода, и та лучше слушается! Да и неприятно... Но под поклажу – самое оно.

– Наверно, эти ваши маги хотели посадить на таких лошадей войско? – поинтересовалась девушка. – Или торговцев? Чтобы отряды и караваны могли ходить далеко, чтобы не приходилось везти с собой фураж?

– Похоже на то, только что-то не слишком здорово вышло. Дорого очень, мало кто себе позволить может, а отряд на таких сажать – проще сразу самим перестрелять! – вздохнул Генри и подвел к девушке оседланную пегую кобылку. – Прошу, твое высочество. Или посадить?

– Седло странное, – сказала она, не обратив внимания на его слова.

– Самое обычное, – ответил он. – Ты не думай, оно удобное, не сверзишься.

– У тебя другое, – заметила девушка.

– У меня почти как у местных, – пояснил Генри. – Ну, они чаще вообще без седла ездят, ну и я наловчился, так, бывает, удобнее даже. А тебе взял обычное, так что хватит рассматривать, полезай, если впрямь умеешь!

Принцесса только бровь вздернула, забрала у него поводья, перекинула через лошадиную шею. Взяла кобылку под уздцы, погладила по морде, по шее – вроде бы новая наездница пришлась лошади по нраву. А потом – Генри опомниться не успел – девушка уже оказалась верхом.

– И вправду удобное седло, – сказала она. – Только стремяна ты подтянул слишком высоко.

– Это беда поправимая, – хмыкнул Генри, отпуская ремень. – Так пойдет?

– Благодарю, – кивнула принцесса. Поерзала в седле – видно, продолжала оценивать его удобство, приподнялась в стремянах...

Похоже, ей в самом деле не впервой было сидеть верхом, да не в дамском седле (Генри вообще не понимал, как можно ездить на такой конструкции... впрочем, знатные дамы и девицы если и ездили, то исключительно шагом, а лошадь при этом кто-то вел под уздцы), а в самом обычном.

– А я думал, – сказал он, подхватывая поводья вороной (пусть сама она никуда не уйдет, но лучше подстраховаться), – в ваши времена девицы сидели себе по своим башням, вышивали цветочки и принцев ждали. А чтоб верхом...

– Что же, ты полагаешь, охота – недостойное занятие для благородной девицы? – спросила принцесса, направляя кобылу вслед за его меринком. – Поверь, те, у кого есть склонность к подобному, занимаются этим сызмальства. Занимались... – поправилась она и замолчала.

– Ну, наверно, и теперь где-то так и есть, – глубокомысленно произнес Генри, понимая, что навел девушку на неприятные мысли. – Но мне что-то знатных охотниц не попадалось. Не принято и вообще...

Не дождавшись ответной реплики, он умолк. Покосился назад, увидел, что принцесса, снова приподнявшись на стремянах, оглядывает окрестности, прикрыв глаза щитком ладони.

– Правим пока что вдоль ручья, – сказал он, чтобы разбить молчание. – Вечером на излучине остановимся, там хорошее местечко. А дальше... – Он усмехнулся. – Дальше

напрямик через Территории. Там надо ухо остро держать, да и тут лучше не зевать...

– А псы твои? Не предупредят разве? – Девушка покосилась на собак, почти невидимых в высокой траве.

– Могут и не успеть, – лаконично ответил Генри и пояснил все-таки: – Кое-чего они не видят. Псы не видят, лошади не видят и не чувят... только люди. Говорю же, Территории. Зверю и птице ничего не будет, а человек как раз угодит... во что-нибудь. Ты лучше держись поближе ко мне, мало ли... Тут вроде чисто, но зачем рисковать-то?

Принцесса послушно прищорила кобылку, поехала с ним бок о бок.

– Странные имена у лошадей, – сказала она, помолчав.

– Обыкновенные, – пожал плечами мужчина, обрадовавшись смене темы. – Лошадки-то здешние, для прерии лучше не найти. Ты не смотри, что мелковаты, они резвые и клади могут тащить побольше иной дылды! Да и пропитание всегда себе найдут... А имена... Это сиаманчи так лошадей называют. Звать удобно, сама попробуй: будто ветер в траве шелестит – Шуш-ш-ш, Ш-ш-ш-ш... Мало ли, иногда и свистнуть нельзя!

– Ясно, – только и сказала девушка и снова надолго замолчала. Краем глаза Генри видел, как она снова и снова подносит пальцы ко лбу... Черт, неужели повторение вчерашнего? Но вроде бы она не заговаривается, с седла не валится...

– Голову, что ли, напекло? – не выдержал он, наконец.

– Немного, – ответила она. Покосилась, усмехнулась криво: – Я не засну, как вчера. Не обращай внимания, это просто дурная привычка. Наставник долго отучал меня накручивать пряди на палец, когда я думаю, но так и не отучил. Локонов у меня уже нет, а привычка осталась...

– А-а... – глубокомысленно протянул Генри, порылся во вьюке и протянул девушке помятую шляпу. – Не обессудь, без перьев и брильянтов, но от солнца прикрыться стодится.

– Благодарю, – серьезно сказала она, расправляя выдавший виды головной убор. В этой шляпе девушка здорово походила на мальчишку, а главное, широкие поля затеняли ее лицо, не разглядеть было холодных глаз, и Генри стало как-то спокойнее. – Так действительно лучше. Раньше здесь не было так жарко.

– Солнце нынче тоже фокусы выделяет, – охотно вступил в разговор Генри. – Тут засуха, там, наоборот, все лето солнышка не видно... Маги пытаются погоду обуздать, но что-то у них скверно выходит...

– Да и прежде у них не особенно хорошо получалось, – заверила принцесса. – Наш маг-погодник, бывало, мог либо из имеющихся туч дождь получить, либо просто тучи согнать, но тогда дождя не жди... Слаб был.

– Наши нынешние сильны, – заверил мужчина. – Но, говорят, опасаются особенно вмешиваться... А то вон в позатом году около Хамбурга засуха случилась, они дождь там устроили-таки, дорого взяли! А недели не минуло, в пяти сотнях миль оттуда ураган приключился, да такой, что три деревни как корова языком слизнула... Сказали, это из-за перемещения воздушных масс, – припомнил он мудреные слова, – в смысле, такого вот неожиданного. Так бы ветер дул себе и дул, ну, может, на каком сарае крышу бы снесло, а тут видишь, как вышло...

– Да, мой наставник говорил мне об опасности таких воздействий, – кивнула девушка и вдруг спросила: – Генри, а все же, куда ты меня везешь?

– К людям, – ответил он обескураженно.

– К каким людям? Я понимаю, что речь идет о твоём хозяине, – проговорила она

спокойно, но ему очень не понравились скользнувшие в ее тоне нотки. Очень холодные, очень... неприятные. – Ты сказал, что ответишь на мои вопросы. На те, на которые сможешь ответить, конечно... Так вот, Генри Монтроз, я хочу знать, что за человек твой хозяин и для чего я ему понадобилась. А также почему ты ограбил моих покойных родителей и зачем тебе потребовались их останки!

– А обязательно говорить об этом на ходу? – попытался он отбиться, но не преуспел. Кажется, у принцессы хватка была почище, чем у Грома со Звоном.

– Чем же еще заниматься? – притворно удивилась она. – Уж не слагаешь ли ты сонет в честь прекрасной дамы? Для этого у тебя недостаточно одухотворенное лицо!

– Черт тебя подери, – уныло сказал Генри. Она не отвяжется, это уж точно. Придется говорить... хотя бы часть. Хотя бы немного. Знать бы, что не сболтнул лишнего!

Скорее всего, Хоуэлл и сам не знал, чего ожидать, а потому предпочел довериться случаю. Спросить, что можно говорить принцессе, буде она отыщется, а чего нельзя, Генри догадался, все-таки дураком он не был. Вот только ответ Хоуэлл дал более чем туманный. Чтоб ему провалиться с его «действуйте по обстоятельствам»! Его бы самого ткнуть холеной мордой в эти «обстоятельства»!

Нет, это было неглупо. Вряд ли у кого получилось бы расписать от и до: «если девица окажется такой, скажи ей то и это, а если сякой – то и другое». Хоуэлл небеспричинно полагал, что Монтроз в людях разбирается, а потому сам сообразит, что следует знать девушке, а о чем ей лучше не слышать.

Он угадал – в людях Генри действительно разбирался. Без такого умения в рейнджерах делать нечего, это уж точно. Окажись принцесса трепетным созданием вроде тех, что во множестве водились в старинных сказках, только и надо было наплести ей каких-нибудь небылиц: мол, ждет тебя твой принц за семью лесами, за семью полями, а я тебя туда доставлю, вот и все. С этой такой фокус бы не прошел. Придется говорить правду: Генри знал этот тип людей. Врать им – себе дороже, единожды поймают на лжи, второй раз не поверят. Другое дело, как преподнести эту правду, о чем умолчать...

...Мария-Антония внимательно наблюдала за наемником. «Рейнджер», вот как они теперь называются, если она верно запомнила.

Он очень не хотел ничего ей рассказывать. Должно быть, не сумел еще понять, что именно уже может сказать, а чего нет. Кажется, ему не дали точных указаний на этот счет, а если и дали, то рассчитывали при этом на ту принцессу, которой Мария-Антония была в своем зачарованном сне. На «настоящую» принцессу – по меркам простолюдинов, конечно.

– Ладно, – сказал он, наконец. – Все очень просто. Ты моему нанимателю не очень-то нужна. Вернее, нужна, но как бы в нагрузку. А все дело в том, что осталось от твоего королевства...

Девушка слушала очень внимательно, и постепенно начала складываться цельная картина. Выходит, эти люди открыли залежи некоего вещества под названием «эринит», а потом их ученые сумели вычислить, что это месторождение – лишь осколок настоящего клада, который покоится под ее землями. Под тем, что осталось от ее земель.

Конечно, началось соревнование: кто первым сумеет захватить столь желанную добычу! Если Мария-Антония верно поняла, то это вожденное всеми вещество способно умять силы магов, защищать от магии...

– У моего предка был зачарованный доспех, – припомнила она, перебив Генри. – И

волшебный меч, которым он убил сильного мага, а тот ничего не смог ему сделать. Эти вещи хранятся в сокровищнице: предок был настоящим гигантом, и более никому из нашего рода эти доспехи не подходили, а меч не сумел поднять ни один силач...

– Вот-вот, эту сказочку я тоже слышал, – кивнул Генри. – Это, значит, и были штуковины с добавкой эринита. Мой хозяин... то есть не он сам, а его тоув, тоже за это зацепился. Такое косвенное доказательство!

– Кто такой тоув? – поинтересовалась девушка.

– Это... ну, маг, но не совсем. У него возможностей шиш да маленько, – пояснил мужчина. – Кое-что может, но в полноценные маги не годится. Так что они больше или в деревенские колдуны идут, или в ученые, вот как этот...

– Понятно, – кивнула Мария-Антония. – У нас тоже были такие. Мой наставник как раз из них, только тогда их называли не тоувами, а полумагами.

– Они бывают и не полу-, а четвертьмагами, – хмыкнул Генри, – и вообще таких названий не любят. Считают, это их достоинство ущемляет! Но это неважно... Ты дальше будешь слушать или нет?

– Конечно. Продолжай.

Хозяин Генри, насколько поняла принцесса, был главой большого торгового дома, «корпорации», как называл это Монтроз, и решил первым наложить лапы на вроде как бесхозное месторождение, опередив конкурентов. Те, впрочем, тоже сдаваться не собирались.

– Со мной одновременно вышло еще четыре поисковые партии, – сообщил мужчина. – Кому повезет... Ну и следы запутать, опять же. Еще несколько подставных отрядов должно быть, чтобы отвлекать внимание. Конкуренты ведь тоже не спят, послали своих ребят...

– И все эти... рейнджеры, – старательно выговорила Мария-Антония непривычное слово, – осведомлены о подробностях дела?

– Наемники, – поправил Генри с заметным самодовольством. – Про месторождение они знают, ясное дело, а про тебя – только я один.

– В чем же разница между вами? – нахмурилась принцесса.

– Я же сказал, – недоуменно посмотрел на нее мужчина. – Они наемники. Я – рейнджер. Не понимаешь?

– Не слишком хорошо, – покачала она головой. – Соизволишь объяснить?

Генри потер заросший щетиной подбородок и попытался разъяснить разницу между собой и теми, прочими людьми. Да, они все работали за деньги, все выполняли те или иные поручения корпораций, только...

– Ну не мастер я говорить! – сдался, наконец, Генри, загнанный в угол вопросами Марии-Антонии. – Просто, понимаешь, они все больше по торным путям, по караванным тропам, а я... Я всю жизнь, считай, брожу по Территориям, я тут как дома. Нет, ну конечно, бывают дома и поуютнее, но я и к такому привык. И я с дикарями в хороших отношениях... хотя какие они дикари! – фыркнул он вдруг. – Люди как люди, в городах похуже бывают! В общем, у них я тоже много чему научился. Ну и хозяин знает, что если кто наверняка дойдет до нужного места, так это я. И не перепродамся, – добавил он серьезно.

– А если предложат впятеро? – коварно спросила Мария-Антония.

– Все равно не перепродамся, – все так же серьезно ответил Генри. – Мне потом веры ни у кого не будет, ни у старых хозяев, ни у новых. Так уж заведено. Наемника тоже не всякого можно перекупить, но у них там... свои законы, свои правила. А у меня свои. Как отчим

научил, так и живу. Опять же, всех денег не заработать...

– Можно украсть, – напомнила девушка.

– Ага, – осклабился в ответ мужчина. – Вряд ли бы мне другие предложили больше, чем я в твоём замке насобираю... Да и потом, – посерьёзней он, – так вот перепродашь, а первый хозяин тебя из-под земли достанет, и пожалеешь, что вообще на свет родился! А я хочу ещё прерию потоптать...

В целом с ним все было ясно. Хороший наемник со своеобразным кодексом чести, Мария-Антония таких навидалась и в родительском замке, и... Словом, встречалась. Попадались среди них такие люди, что иному рыцарю впору пример брать! Генри вряд ли из таких. Говорит он убежденно, но кто знает, что у него за душой? Так просто не разобрать. Даже и пожалеешь, что ты не маг, не можешь прочесть мысли!

В одном можно быть уверенной: свое задание он будет выполнять честно. Пообещал доставить образцы того вещества и принцессу к нанимателю – стало быть, сделает для этого все возможное. Вот только главного он еще не сказал!

– Я так и не поняла, для чего нужна я? – спросила Мария-Антония.

– Да это же просто, – покосился на нее Генри. – Ты ведь единственная наследница, так? Из твоего рода никого не осталось... ну, может, какая-то вовсе уж седьмая вода на киселе, да и те родства не вспомнят! Значит, земли те принадлежат тебе, верно? Все, что над ними и под ними. Понимаешь?

– Да, – кивнула она, раздумывая. – Тот, у кого наследница, имеет преимущество. Особенно если она добровольно передаст право на разработку месторождения в руки своего... хм... благодетеля и спасителя.

Генри молчал, разглядывая холку своего коня. Видимо, она угадала даже слишком хорошо. Впрочем, это было несложно, такие ходы Мария-Антония научилась разбирать еще в самом нежном возрасте: отец натаскивал ее, не щадя времени и сил – у него не было сыновей, и на дочь он возлагал все надежды...

– Я не понимаю лишь одного, – сказала она, помолчав. – К чему такие сложности? Можно было взять любую девушку, научить ее, что говорить...

– Ага, я тоже так думал, – кивнул мужчина и вдруг посмотрел на нее в упор. – Еще удивлялся, почему моему хозяину... тьфу, не люблю это слово! Хоуэлл его фамилия... В общем, почему ему это в голову не пришло, там ведь ума палата!

– И почему же? – заинтересовалась принцесса. Этот таинственный Хоуэлл, кажется, был не так-то прост. С одной стороны, это приятно: не всякий день встретишь интересного и умного человека, с другой... часто такие люди оказываются жестоки и способны пройти по трупам ради достижения цели.

– Я удивлялся, пока тебя не увидел, – криво ухмыльнулся Генри и отвернулся, будто смутился. – Можно любую взять, да, из знатных, из простых, неважно. Обучить, отмыть, платье нацепить... Только все равно будет видно, что это подделка. Я вот, – вздохнул он, – нынешних благородных вблизи нечасто созерцал, но мне и то разница видна. А уж Хоуэллу и подавно, у него жена из таких... Ты вот, – добавил он вдруг, – с виду ну чисто девчонка с фермы! Пока не заговоришь да не посмотришь вот этак, да, как ты сейчас на меня глядишь...

– Теперь ясно. – Мария-Антония не сдержала усмешки. – И, должно быть, любой догадается, что принцесса из древних времен должна говорить на ином языке?

– Ага, и это тоже, – кивнул Генри. – Ну и вообще...

– Но как же доказать, что именно я – наследница? – не отставала она. – Мало ли было

принцесс! Мало ли по-настоящему знатных девиц не королевского рода, но ничем не уступающих принцессам! И кто поверит в то, что волшебный сон мог длиться столько лет? Прежде всего под сомнение поставят именно это: слишком уж кстати для... хм... Хоуэлла обнаружались такие обстоятельства!

– Ох, это уже не моего ума дело, – вздохнул Монтроз и подогнал коня. – Думаешь, я сам голову не ломал? Только куда мне! – Он помолчал. – Ну, положим, что ты действительно была под заклятием, подтвердят маги. Есть такие, независимые, специально для разрешения разных серьезных споров. Сколько именно ты спала... ну, не знаю, как определяют. Да хотя бы язык твой, как ты сказала! На нем никто уже не говорит... Потом, – добавил Генри, – королевские регалии. Я же не просто так их захватил, наверняка в книгах у тоувов сохранились описания. И останки я тоже брал не просто так...

– Маг может узнать, является ли человек отпрыском именно этих двух людей, – сообразила Мария-Антония. – Вот для чего... Но только... Как доказать, что эти останки принадлежат королю и королеве?

– Говорю, не моего это ума дело! – чуть не вскричал Генри. – Хотя, знаешь... Думаю, это обманной ход, Хоуэллы в этом сильны. Предъявят тебя, драгоценности, доказательства... Пока суд да дело, успеют послать настоящую большую экспедицию, застолбят участок, выстроят форт, и поди ты сгони их с этого места!

– Да, пожалуй, ты прав, – кивнула принцесса, обдумывая варианты. – Но если бы ты не сумел разбудить меня? Или если бы я обратилась в прах вместе с прочими?

– Тогда, наверно, в ход пошла бы подставная девица, – ответил мужчина. – Но насколько я Хоуэллов знаю, они предпочитают делать самую высокую ставку. Если не выйдет, тогда играют на понижение, но обычно им везет...

– Постой, – спохватилась Мария-Антония. – Ты говорил сперва – «Хоуэлл», а теперь «Хоуэллы»!

– А, ну да, – кивнул он. – Их двое. Они близнецы. Один – глава корпорации, второй на подхвате. Это он меня нанял, он... в общем, если мы тут с тобой несколько идей придумали, то у него, наверно, их целая сотня, и все разработаны от и до, во всех возможных вариантах! Говорю же – голова золотая...

– Но главная цель понятна, – задумчиво проговорила девушка. – Устроить шумиху, отвлечь внимание и завладеть моими землями... Но что же они будут делать, если я откажусь участвовать в этом? Если я потребую вернуть мне мои владения?

Генри посмотрел на нее так, что осталось только криво усмехнуться.

– Понятно. Выбора у меня нет.

– Это точно, – сказал он негромко. – Нет. Ты сама никогда не докажешь, кто ты на самом деле. Ну а даже если докажешь... Что ты будешь делать с замком в самом сердце Территорий? Туда просто так никто не сунется, даже за сокровищами... вот разве что за эринитом! Ну так тебя живо уберут и начнется резня за месторождение. А если и не убьют – куда тебе деваться? Замуж пойдешь за какого-нибудь королька из тех, что все еще по своим замкам сидят?

– А почему бы и нет? – усмехнулась она. – Вряд ли они станут возражать против того, чтобы в жилы их рода прилила свежая кровь!

– Тогда не мудруй, – предостерег Генри. – Я тебе честно скажу: меня разные люди нанимали, но Хоуэллы среди них особняком, я им больше остальных верю. Конечно, те еще звери, проглотят и не заметят, но вообще-то стараются слово держать. Ни разу меня не

обманули. – Он поправил шляпу, чтобы не сползала на лоб. – Ты сделай, что они попросят. Взамен получишь свою сокровищницу... ну, может, не всю, – добавил он справедливости ради, – но достаточно, чтобы за такое приданое любой удавился, хоть благородный, хоть не очень. А может, и процент от добычи эринита стребовать сможешь... Пока что загадывать?

– Я поняла, – кивнула принцесса и замкнулась в молчании.

Да, кажется, она действительно нужна этим Хоуэллам. Хотя бы того ради, чтобы устроить шумиху и отвлечь внимание от месторождения. За это можно потребовать... нет, попросить, и очень вежливо, ибо она не в том положении, чтобы требовать! Если она будет вести себя так, как нужно этим людям, возможно, ее оставят в живых. Хотя... может быть, и избавятся, когда месторождение окажется в их руках. А может, наоборот, будут беречь, как залог владения теми землями. Пока рано гадать, в этом Монтроз прав, сперва нужно взглянуть на его нанимателей, а тогда уже она сможет решить, как действовать. Какой быть: напуганной принцессой, не понимающей, что творится вокруг – и ведь даже играть особенно не придется! – или же властной особой, хорошо осознающей свое место под солнцем.

Только места под этим солнцем, как прекрасно понимала Мария-Антония, для нее прежней уже нет. Нужно либо искать новое, либо смириться и стать чужой марионеткой, либо... присоединиться к предкам. К родителям. Жаль, что Генри Монтроз явился так рано, еще несколько лет, и она, может статься, тихо умерла бы во сне, и ей было бы все равно, что станет с ее замком, с месторождением...

«Нет, – сказала себе Мария-Антония. – Нет. Если бы не заклятие, все, кто был в замке, прожили бы положенный им срок и умерли, как подобает, – кто своей смертью, кто насильственной, неважно. Но заклятие было твоим, только твоим, и оно не сработало, как нужно. Не по твоей вине, должно быть, все спутала эта их Катастрофа... Но все равно: из-за тебя несколько сотен людей уснули волшебным сном и никогда уже не проснутся! И пусть умерли они во сне, ничего не почувствовав, но... умерли. Не в срок. Неправильно. – Она мотнула головой. – Самое малое, что можно сделать для них, – это предать погребению. Вот этого ты и потребуешь от Хоуэллов. Пусть забирают сокровища, что от них теперь проку? Лишь бы не тронули семейный склеп и перенесли в него кости родителей, а прочих захоронили как подобает... А как подобает?..»

...Генри то и дело косился на принцессу: та закончила допрос, вроде бы удовлетворившись его ответами (а он старался отвечать по возможности честно, но не выдавая излишней информации; впрочем, она с легкостью воспроизвела догадки, над которыми он ломал голову не один день, не дурочка оказалась), и теперь ехала молча, думала о чем-то.

Молчание длилось достаточно долго, чтобы он успел расслабиться. В прерии было хорошо: солнце стояло высоко, в траве пели кузнечики и шуршала прочая насекомая мелочь, шныряли туда-сюда псы, разведывали дорогу... Под копыта лошадей стелилась высокая трава, чуть взблескивал по правую руку ручеек – пока что им по пути, завтра разойдутся, возьмут восточнее, с водой тогда будет тяжело, пока не доберутся до Майинахи, там воды – хоть залейся, главное, не утони! Ну да ничего, он знает пару родников и колодцев, ноги мимо не пронесут, а может, встретятся знакомые племена, им сейчас самое время откочевывать на запад, так можно будет разжиться чем-то съестным, а еще – новостями...

Генри сдвинул шляпу на затылок и подставил лицо солнцу. Жарко. Хорошо бы сейчас

грозу... Не такую, чтобы все смыло, а так, на пару часов. Грозу он тоже любил – молнии эти, грохот, будто за черными тучами резвится парочка многопудовых огневозов, ливень, теплый... да даже если и холодный, по такой жаре будет в самый раз! И запах, конечно: перед грозой и после нее прерия пахнет совершенно по-особенному, ни с чем не спутаешь.

Он потянул носом: нет, грозу ничто не предвещало. Ни одного облачка в синем-синем небе, да и пахнет только разогретыми солнцем травами, цветами, которые он не все знал по именам, да и никто, наверно, не знает, разве что тоув какой-то вроде Стефана... Воздух густой, горячий, сладкий...

– Генри, – неожиданно окликнула его принцесса, заставив вздрогнуть.

– Чего?

– В какого бога нынче верят в твоих краях? – спросила она серьезно. Не нашла, чего поумнее спросить!

– Да в разных, – ответил он неопределенно.

– Что значит – в разных? – приметно напряглась она. – Как такое может быть? В мое время вера в бога единого и...

– Да, в него тоже верят, – поспешил сказать Генри. – Церкви есть, все, как полагается. Я сам крещеный, – добавил он зачем-то. – Магушка настояла, а мне, в общем, без разницы.

– То есть ты не веришь? – вскинула бровки принцесса.

– Ну как сказать... – уклончиво ответил он. – Верю, конечно. В церковь только не хожу, некогда мне. Мне больше по душе те, кто говорит, что храм божий – это весь мир, так на кой мне крыша – мне это вот небо милее!

– А что, кто-то говорит иначе? – неподдельно изумилась она.

– Погоди, – насторожился Генри. – Я что-то не пойму... Я слышал, в давние времена с этим строго было. А ты...

Кажется, она поняла его затруднение. И объяснила, и Генри понял, что ему... нет, вряд ли повезло. Но и вряд ли не повезло. Да, в те стародавние годы верили истово, только и ересей расплодилось без счета. Вот, похоже, Мария-Антония, вернее, все ее семейство принадлежало к таким вот... еретикам. Либо же ее родители вообще не шибко задумывались о том, во что именно верят. Обряды соблюдали, конечно, а так... местных богов поминали, суеверия всякие чтили, одно другому не особенно мешало. Девушка обмолвилась еще, что наставник ее, тоув, сбежал от костра, который полагался ему за ересь, а раз уж ее отец такого принял... Это о многом говорило.

– В общем, что-то такое над нами есть, конечно, – сказал наконец Генри. Богослов из него был паршивый, что и говорить. – Я не особенно задумываюсь... Ну, мне те вот нравятся, которые говорят, что бог един, а имен у него много. Об этом же шаманы у дикарей твердят, только кто их слушать будет? В общем, это в больших городах построже, а тут... – Он усмехнулся и снова сбил шляпу на затылок. – Я вот то Меркурия помяну, чтоб помог, легконогий, то Крылатую Кошку – это уж от сиаманчей, – чтобы не выдала, мимо засады провела, то Пернатого Змея... а это вообще от южных дикарей, тот еще бог, но они в него крепко верят, воевать даже ходили к нам, с тех пор и осталось... А, наверно, наверху это все одно и то же...

Он глянул в небо, высокое, какое бывает только в это время года над прерией... Над Территориями, напомнил он себе, не время расслабляться. Тут еще спокойно, а чуть дальше – спать не придется. Собаки не всегда оберегут, в этом он не солгал.

– Что ж. – Принцесса снова что-то обдумывала, очень сосредоточенно. – Я опасалась,

что за эти годы все стало только хуже. Ты знаешь, быть может, в мои годы начались войны за веру?

– Так, слышал что-то...

– В моих краях не мешали никому, – сказала она. – Лишь бы не вздумали людей в жертву приносить, а так – всякий сам себе судью выбирает. Нас не успели тронуть, а до соседей уже добрались, там... неладно было. Это от них сбежал мой наставник, он не хотел отречься от всего, во что верил, ради части целого. Ему повезло, добрые люди вытащили его из темницы, он не мог ходить. – Девушка подняла на Генри холодные глаза, сейчас казавшиеся того же цвета, что и раскаленное небо над прерией. – Он больше никогда не смог встать на ноги. Это ревнители истинной веры заставляли его сказать «да», а он говорил «нет». Мой отец очень его уважал, – добавила она вдруг и снова замолчала.

Генри только помотал головой и снова стал смотреть по сторонам. Что же это было за королевство? Он мало что знал о древних временах. Рассказывали о том, что власть церкви была везде и повсюду, что ее боялись, что... А выходит, оставались такие королевства. Маленькие, крохотные даже. И что был за человек отец Марии-Антонии (ну не получалось у него называть ее Тони, даже в мыслях!), если приютил сбежавшего от церковного суда тоува и еще... уважавший его? И что собой представляет она сама? Так не разобрать, это он понимал. Куда уж ему! Хорошо, если Хоуэлл разберется, и как знать, во что это выльется...

5

Ехали молча до самого вечера: принцесса не выказывала ни малейших признаков усталости, лишь единожды попросила напиток, и только. О лучшей спутнице можно было только мечтать, но Генри не обольщался: неизвестно, насколько ее еще хватит. Может быть, только на сегодняшний день... А ведь они пока в достаточно безобидных местах, дальше же придется нелегко, и как объяснить девушке, сроду не слышавшей о Территориях, на что нужно обращать внимание, а на что лучше вообще не смотреть, Генри не знал. Сам он как-то обучился, ему везло: не вляпался ни в одну из особенно опасных ловушек по малости лет, потом свел знакомство с делакотами, удрал из дому и полгода прожил с племенем, вернулся, был нещадно порот отчимом (в который уже раз)... Выдрав чадо для порядка, отчим вздохнул и велел непутевому взять коня, какой приглянется, и отправляться на все четыре стороны. Понял, что такого не удержать насильно, пускай уж... Ну и напутствие дал, конечно, в духе «убьешься – домой не приходи!». Мать, понятно, поплакала, куда без этого: Генри удался в отца, а тот сгинул без вести как раз на Территориях, тоже все рвался невесть куда. Генри особенно не рвался, он был достаточно осторожен, да и от делакотов много чему научился. Те-то в прерии спокон веку живут, к Территориям отнесли как к неизбежному злу, притерпелись, знали, что к чему... Белокожего подростка, посмеиваясь, обучали наравне со своими, и он был не хуже местных сверстников.

Взятого дома коня он вскоре сменял на беспородного, лохматого и небольшого, но быстроногого, как у всех в прерии, свел знакомство с другими племенами, перебрался к сиаманчам, потом снова вернулся к белым, но старых друзей не забывал. И те его помнили. Они всегда всех помнят. Прерия тоже помнит всех, вот, наверно, почему Генри ее любил. Эта земля и это небо помнили его отца, которого он никогда не видел. Отчима он любил и уважал, тот был хорошим человеком, хозяйственным, ферму отстроил отменную, у сестер

приданое было такое, что городские невесты от зависти чуть не вешались, и мать он любил... Одного в нем не хватало Генри – легкой сумасшедшинки, той, что тянула в прерию, в Желтые царства, в Московию, где, говорят, чужестранцев любят сажать на кол ради забавы... Генри, правда, туда не собирался. Ему хватало здешних мест, и он считал, что лучше их быть не может.

– А вот тут и остановимся, – сказал он и спрыгнул с коня.

Здесь он ночевал по пути к замку, вот еще видны следы его кострища: тут он особенно не скрывался, следов не маскировал.

Принцесса молча спешила, встала, держа кобылу в поводу. Придумать бы ей занятие, но какое? Палатку она не поставит, готовить вряд ли умеет... Пришлось обходиться самому, но это Генри было привычно: он быстро расседлал лошадей, стреножил и пустил пастись, поставил палатку – не под открытым же небом ее высочеству ночевать! – занялся костром... Дальше с топливом будет скверно, да и тут уже, считай, ничего нет, хорошо, прихватил пару вязанок хвороста с той стоянки!

– Это что? – заинтересовалась принцесса, наблюдавшая за ним.

– Огнекамень, – ответил он, показал на раскрытой ладони. – Тоувы придумали. Вроде кремня и кресала, только вот... видишь? – Он чиркнул и зажег огонек. – Не гаснет сразу. Под любым дождем горит. Удобная штука.

Подхватив котелок, он двинулся к ручью, сполоснул посудину, набрал воды. Принцесса подошла к берегу следом, наверно, умыться решила. Генри не стал ей мешать...

...Как же изменился мир! Или вовсе не изменился? Вот же небо над головой – почти такое же, как было прежде, только раньше оно не бывало настолько ярким, Мария-Антония привыкла, чтобы небо ласково голубело, наливалось грозным свинцом, сияло нежным перламутром по утрам... Теперь оно было ослепительно синим, постепенно темнело, делаясь бархатным, – приближалась ночь. И солнце не грело прежде так жарко. И... да, раньше здесь не было прерии. Тут были леса, деревни, и поля, и река... Вот разве что вода осталась прежней, ее ничто не изменит!

Мария-Антония опустила руку в воду и некоторое время смотрела, как пальцы ее покрываются воздушными пузырьками, как оседает песок, встревоженный ее неосторожным прикосновением, как колышутся травинки, выросшие в самой воде...

– Эй, принцесса! – донеслось от костра, едва заметной рыжей звездой тлевшего поодаль. – Иди ужинать!

Она послушно отправилась на зов. Готовил Генри, если честно, скверно и однообразно. С последним понятно: в походе разносолы не предусмотрены, но из вполне сносной крупы он умудрялся стготовить на редкость мерзостное варево.

Девушка усмехнулась про себя: когда-то многие были бы рады и такому ужину, грех воротить нос! Но и сделать с этим что-то можно, конечно, благо опыт есть. Еще бы Генри подстрелил какую-нибудь дичину, не может же здесь не водиться каких-нибудь животных? Бесконечное море травы – да тут должны бродить стада каких-нибудь оленей... или что тут водится? Должно быть, они просто распугали всех неосторожным приближением...

Мария-Антония прикрыла глаза и вообразила, как летит по этому травяному морю на легконогом коне, как вьются на ветру разноцветные плащи, как низко стелются над землей охотничьи псы, и вот егеря дают знак, что видят зверя. И теперь только свистнуть – и обученный пес прыгнет в седло, останется только показать ему животное и сбросить наземь,

и он полетит, пластаясь над травами, коротковзлаивая, и ему ответит вся свора, и ринется следом, и они возьмут отличную дичь. Оленя. Да, матерого самца, оставшегося прикрывать уходящее стадо, достойная добыча! Может быть, он даже поднимет кого-то на рога... Не собак, нет, те не сунутся слишком близко, они чувствуют, какую черту нельзя переступать! Кого-то из охотников, молодых и рьяных... А тогда против царственного зверя выступит опытный ловчий, и это будет настоящий поединок: клинок против острейших рогов и копыт, и еще неизвестно, кто победит. Если зверь – его отпустят и он уйдет к своему стаду, а если человек – что ж, вечером будет пир!

Мария-Антония встряхнула головой: все это в прошлом. Не будет больше никакой охоты, никаких плащей, собак, пиров... Или будут, но совсем иные, только об этом рано думать.

Она присела у костра, Генри сунул ей миску с горячим варевом. Есть не хотелось, но без этого никуда... Девушка посмотрела вверх, невольно вздрогнула. Перевела взгляд левее, где, как ей казалось, она уже видела сегодня луну. Та оказалась на месте, желтая, как осеннее яблоко. И другая тоже висела поодаль, чуть голубоватая. И третья отыскалась на другом краю небосвода – розовая, тоже словно яблоко, и еще одна, и еще...

– Не обращай внимания, – сказал Генри, проследив за ее взглядом. – Это обман зрения. Луна как была одна, так и осталась, тоувы установили.

– Точно? – усмехнулась она и поднесла ко рту ложку похлебки. Обожглась, конечно.

– Ага. Было бы больше, наступила бы беда с приливами-отливами, – ответил мужчина. – Одна она. Остальные так... мерещатся. Над Территориями в основном, но бывает, что и в спокойных местах.

– А которая из них настоящая?

– Вон та. – Генри безошибочно указал на сиреневую луну.

– Откуда ты знаешь?

– На ней пятна есть, – ответил он. – На цвет не смотри, он часто меняется. А пятна только на настоящей. Тоувы говорят, это ямы на поверхности луны, вроде как рассмотрели они в огромную такую подзорную трубу. Я не видел, врать не буду, только местные всегда так настоящую определяют и ни разу не ошиблись.

– Я запомню, – пообещала Мария-Антония и замолчала, замороженная хороводом небесных светил.

– Иди спать, – сказал ей Генри. – Я палатку поставил. Давай... Завтра пораньше выедем.

Она кивнула, соглашаясь, и забралась под тонкую парусину. Запах прерии и дым от костра тревожили и напоминали о прошлом...

...Ночь выдалась теплая, ясная, звездная. Здесь, на Территориях, звезды совсем иные, чем в обитаемых краях, будто Катастрофа перевернула и перетасовала не только землю, но и небо. Чепуха, конечно, у тоувов наверняка имелось множество объяснений этому явлению, но Генри-то их не знал, поэтому волен был думать все, что заблагорассудится. Эти луны еще... До их «парада», как называют это явление тоувы, еще далеко, с чего им вздумалось рассияться? Впрочем, какая разница, вреда-то никакого!

По большому счету размышлять ему сейчас нужно было не о звездах, а о совсем ином.

Значит, первое поручение Хоуэллов выполнено: Генри недаром тащил с собой столько дребедени, которой снабдил его старый тоув, недаром потратил почти месяц и облазил все окрестности, снимая показания датчиков и зарисовывая подробный план местности. Теперь он мог доложить Хоуэллам, что предположения их оправдались, эринитовая жила здесь

наличествует, и богатая, если верить приборам тоува Стефана. Он даже поковырял землю кое-где, взял образцы – на всякий случай. Написать-то можно что угодно, а так – вот они, куски породы с вкраплениями эринита, изучайте, сколько влезет!

Это уже было неплохо. Вторая часть задания оказалась куда экзотичней. Поначалу Генри решил, будто над ним посмеялись, но Хоуэлл был совершенно серьезен. Пришлось обождать с выводами до места назначения, а там уж Монтроз убедился, что глава корпорации (или его брат, без разницы) из ума не выжил. И заколдованный лес оказался на месте, и замок, и даже принцесса обнаружилась. Живая и здоровая, что, с одной стороны, радовало, а с другой...

Он повернулся набок. Рядом сопел Звон, его однопометник Гром обходил дозором лагерь. Генри иногда сравнивал своих псов с братьями Хоуэллами: ну ведь правда похожи! Один суровый, резкий, опасный даже с виду – настоящий вожак стаи. Второй – помягче, обходительнее, но на деле – еще опаснее старшего, потому что хитрее. Ни за что не угадаешь, когда бросится и куда вцепится!

Генри рассеянно потрепал Звона по холке, прислушался. Из палатки, где ночевала принцесса, не доносилось ни звука. Нет, поначалу-то слышно было, как она укладывается на тощую походную постель, а дальше – тишина. Ни шороха, ни вздоха... Что она не спит, Генри был уверен, а вот сейчас вроде бы различил едва слышные всхлипы, но и то не мог поручиться, не причудилось ли ему!

Рассвет он встретил уже на ногах. До отъезда нужно было еще кое-что сделать.

Колдуя над прибором, он краем уха слышал, как зашуршал полог палатки – принцесса соизволила проснуться. Если вообще спала этой ночью. Да к чему бы ей, право слово, на сотню лет вперед выпалась!

– Что ты делаешь? – спросила она. Генри в очередной раз сравнил то, как она задала вопрос сейчас, с тоном беседы во время первой их встречи и только вздохнул. Тогда с ним говорила принцесса, невесть с чего вынужденная общаться с простолюдином и чурающаяся этого. Теперь с ним тоже говорила принцесса, но вступившая в беседу с простолюдином по собственной воле. Разница, как говорится, налицо, Генри только подивился, как о многом может сказать интонация!

– Да вот, хочу сообщить своим нанимателям, что все в порядке, – ответил он доброжелательно. А что? К нему по-хорошему, и он со всей душой... – В твои времена такого не было?

– Чего именно? – Принцесса присела рядом, внимательно глядя за тем, как Генри сноровисто собирает передатчик.

– Таких вот штук. – Он проверил крепление, постучал по передающему кристаллу, давая ему опознать себя. – Чтобы разговаривать на расстоянии. И так, чтобы никто не перехватил сообщения.

– В мои времена, – ответила девушка после паузы, – если нужно было передать что-то тайно, придворный маг обращал письмо в почтового голубя, который давался только адресату и превращался обратно в письмо лишь в его руках.

– Красиво, – оценил Генри. – Только голубя ведь подстрелить можно, верно? Ну или просто не допустить до адресата... Тут такие штуки не пройдут. Нет, наверно, маги могут глушить сигнал, но это надо сперва догадаться, когда и с кем будет связь, весь эфир им не охватить!

– Как это работает? – Принцесса смотрела с любопытством, и Генри ответил, решив, что вреда от этого не будет:

– Это вот – передающий кристалл. Где-то там есть точно такие же, они сигнал принимают. Могу настроиться на Ханьское царство, могу – куда хочу, главное, знать, с кем связываешься... Ну, это сложно, там целая система позывных. – Генри показал девушке шарик из губчатого материала. – В эту вот штуку можно говорить. Если расстояние небольшое, то даже слышно собеседника. Но тут Территории, сигнал и так еле проходит, так что не разобрать ничего...

– Как же ты...

– А вот так... Ты помолчи пока, – попросил он. – А то собьюсь.

Отстукивать сообщение можно было чем угодно, хоть ногтем, но он выбрал монету – получалось четче. Серия звонких ударов с разновеликими паузами, потом перерыв... Повторить еще раз. И еще. Пока не получишь подтверждения, что тебя услышали. Генри его получил, усмехнулся удовлетворенно, дождался ответа, посидел пару минут молча и начал собирать прибор.

– Это был шифр? – спросила девушка.

– Ну да, – ответил немного озадаченный Генри. – Ты как догадалась?

– А что тут сложного? – недоуменно ответила она. – Если не слышно голоса, не разобрать слов, то нужны звуки четкие и определенные. А в эти звуки можно зашифровать буквы или слова, верно?

– Ну вроде того... – Генри не стал говорить, что хотя шифр для таких передач был общепринятым, с Хоуэллом он договорился об особом значении кое-каких слов: в эфир уходило вполне невинное сообщение вроде «жив, здоров», а на самом деле... – С голубями оно, конечно, и впрямь красиво, но так надежнее.

Принцесса ничего не ответила, она вертела в пальцах монету, которую Генри отложил, занявшись прибором.

– Это нынешние деньги? – поинтересовалась она. Попробовала монету на зуб, осталась, видимо, довольна. – Как они называются?

– Гольды. – Генри отобрал у девушки золотой.

– У всех одинаковые?

Что и говорить, она умела задавать вопросы... Ну, раз решил, что ей лучше говорить правду, так самое время начать, разве нет?

– Ну как сказать... – Генри вывернул карманы, побренчал разнокалиберными монетами. – Я тогда начал говорить, но толком не объяснил. В наших краях работают несколько корпораций... ну, торговых домов, если так понятнее. Есть побольше, есть поменьше... Ну, совсем мелочь в расчет не беру, они стараются прилепиться к тем, что покрупнее, но и свой интерес соблюсти. – Он вздохнул. – В общем, когда-то давно они договорились, что деньги будут одни, вот эти самые гольды. Достоинство определили, содержание золота, и довольно. Конечно, каждая корпорация свои чеканит, но...

– А кто же следит за тем, чтобы монеты были... ну... – девушка замялась, подбирая слово, – одинаковы? Разве нет соблазна добавить серебра или другого металла?

– Сами корпорации и следят, – ухмыльнулся Генри. В этой области он смыслил неплохо, мог кое-что рассказать. – Ты что! В монетах конкурента обнаружить серебро или там края обрезанные – это ж какое счастье! Во все глаза смотрят... А уж кого поймают на таком, тем доверия уже нет, так что они марку-то держат, особенно крупные корпорации...

Он потряс кошелек, выбрал несколько монет, показал принцессе.

– Смотри, это вот «птичка». – Генри дал ей в руки тяжелый золотой с распростершей

крылья птицей на аверсе. – Одна из лучших. Металл хороший, серебра всего ничего. Это вот «кэмы» – их корпорация «Кармайкл» чеканит. Тоже хороши, но их подделывают часто, уж больно рисунок простой. А вот «ящерки». – Он положил девушке на ладонь тяжелую монету странной шестиугольной формы. На аверсе извивался, свирепо пучил глаза, разевая зубастую пасть, усатый зверь, вроде бы змея, только у змей не бывает когтистых лап. – Это денежки «Черного дракона», они с Ханьским царством торгуют. Золото отличное, а подделывать эти гольды желающих нет...

– Почему?

– Да наказали как-то «ящерки» фальшивомонетчиков, – неохотно ответил Генри. – Больше никто не рискует. Шкура своя – она дороже, неохота, чтобы заживо сняли.

Видимо, он все-таки не совладал с лицом, потому что принцесса насторожилась.

– Что случилось? – спросила она.

– Ничего, – покачал он головой. – Так, задумался.

– Не лги. Тебе пришли дурные вести, – сказала девушка уверенно. – Я заметила. Ты был рад, когда я отвлеклась на ваши деньги. Но вот ты сказал о «Черном драконе», и снова все изменилось. Новости связаны с ними?

– Да, черт побери! – ответил Генри. Он бы высказался куда крепче, но сдержался. Все-таки женщина рядом, принцесса. – Все... очень плохо, Тони. Гораздо хуже, чем я мог предположить.

Имя само сорвалось у него с языка, а принцесса не возразила. Впрочем, она же сама предложила так себя называть!

– В чем дело? – спросила она.

– Да так... – Генри невольно скривился. – Как тебе объяснить...

Генри прекрасно представлял, зачем нужна эта девица Хоуэллам. Поначалу он считал, что стоила она дороже... нет, не эринита, которым оказались богаты земли ее бывшего королевства, но уж дороже золота – точно. Потому и размышлял, как доставить ее Хоуэллам в целости и сохранности, поскольку – Генри не сомневался – за ней будут охотиться и другие. И думать нечего сохранить это дело в тайне. У «птичек» есть информаторы, но и у других корпораций они имеются, что-то да просочится, а выводы все делать умеют, иначе что они делают в этой большой игре?

Оставалось надеяться, что информация эта просочится к конкурентам «птичек» не сразу. Увы, надежда в этом случае опочила первой, о чем только что сообщил Хоуэлл. Но ладно, это бы рано или поздно случилось. Про эринит конкуренты уже знали, а вот про принцессу... ну, тоже пронюхали бы рано или поздно.

Вышло – рано. Насколько понял Генри, тоува Стефана попросту взяли в заложники, а там, надо думать, вытрясли из него все, что тот мог рассказать. А рассказать он мог многое... И Хоуэллы это знали. «На твое усмотрение» – вот что было сказано. Это значит, что ему никто не поможет, он должен справляться своими силами. Спасаться, удирать, что угодно... Он подтвердил наличие эринита, если что, Хоуэллы пошлют экспедицию или другие ребята доберутся до места и возьмут пробы. Но девушка... Это отныне его дело. Выручит – значит, выручит. Нет – ну, туда и дорога. Им обоим. На открытое противостояние с «Драконом» Хоуэллы не пойдут даже из-за принцессы.

– Самое мерзкое, – сказал он, коротко объяснив девушке все это, – что на хвосте у меня теперь не абы кто, а «ящерки».

– «Черный дракон»? – уточнила она.

– Он самый. – Генри невольно поежился.

Доводилось ему слышать о том, что люди «ящерок» делают с неудобными... А он теперь точно в списке неудобных! Если, конечно, вовремя не передумает, но это все равно не гарантирует долгой жизни и быстрой смерти. Скорее даже наоборот: сами «ящерки» вероломны, но перебежчиков отчего-то не жалуют. Да и девчонку жалко, эти не станут разводиться с нею политес, как Хоуэллы, поднажмут, и дело с концом.

– Это скверно, – констатировала девушка.

– Еще как. Не трещи, дай подумать, – помотал головой Генри.

Подумать было о чем. Например, о том, что делать дальше. Вернее, что делать-то, понятно: выбираться с Территорий, но каким путем? Окажись он один, это было бы совсем просто, но теперь – другое дело, да с учетом этих вот новых обстоятельств... Конечно, у него были заготовлены варианты действий на оба случая, но их стоило проверить как следует, нет ли изъяна. В таких делах лучше перестраховаться. А еще лучше – придумать что-то новое, потому что «ящерки» наверняка перекроют все обычные пути и те необычные, какие сумеют разведать. Генри, выросший на Территориях, знал таких дорог немало, но кто сказал, что среди «ящерок» нет подобных ему?..

А даже если и выберешься... Ехать напрямик в резиденцию «Синей птицы» нельзя. Как тогда быть? Где-то прятаться, вызывать представителей Хоуэллов или даже их самих к себе? Схроны у Генри имелись, но для крупного противника... Несерьезно. Тут нужно было придумать что-то похитрее, и он рассчитывал сочинить что-нибудь за время пути. В конце концов, по Территориям тут ехать ого-го сколько, до цивилизованных мест еще поди доберись! Вряд ли погоня сунется за ним сюда, его будут поджидать на выходе с Территорий.

Вот что, решил он, надо давать большой крюк. Любой нормальный человек с ценным грузом постарается поскорее выбраться с Территорий, так любой решит. И ждать будут там, где больше вероятность перехватить такого человека... А вот если сильно забрать к северу, то есть шанс, во-первых, оторваться от преследователей (те наищутся его в прерии!), а во-вторых – соединиться с сиаманцами. Большое племя и примет старого знакомца и почти родственника, и может выделить нескольких человек для охраны. Конечно, воины-сиаманчи в большом городе – то еще зрелище, внимания они привлекут немало, но куда деваться? Или можно послать кого-то из них связным: эти-то точно не выдадут приемного сына племени, хоть шкуру с них живьем дери... Что ж, сказано доставить девушку любой ценой, вот и стараемся, хмыкнул Генри. Будущее переставало видеться в таком уж мрачном свете... Кстати говоря, у сиаманчей и шаманы сильные, могут что-нибудь сделать, если очень попросить. Говорят, они умеют кое-что, могут сделать охотника вовсе незаметным... Ну, это уж мечты!

Да, решил Генри, это лучший на текущий момент вариант. Придется так и поступить. С едой будут проблемы, но это решаемо: дичи вокруг достаточно, а охотиться он еще не разучился. Воду найдет, тоже умеет. Выберется, одним словом, и принцессу вытащит... Лишь бы она не вздумала взбрыкнуть!

– Ты будешь завтракать? – спросила она, словно услышала его мысли.

– А?... Да, сейчас соображу что-нибудь, – спохватился он. Да, ее же еще и кормить надо, сама она...

Генри обнаружил у себя под носом миску с довольно аппетитно выглядящим варевом, увидел напротив облизывающихся в нетерпении Грома со Звоном и недоуменно перевел взгляд на принцессу.

– Я взяла в твоём вьюке вяленое мясо, – сказала она спокойно. – Немного. Ешь.

Она встала, подхватив котелок, и явно собралась направиться к ручью, но Генри вовремя спохватился:

– погоди, котелок дай собакам вылизать! – И добавил, сообразив: – Спасибо...

Девушка ничего не ответила, поставила посудину наземь, но обученные псы с места не сдвинулись, пока Генри не разрешил. Тогда уж только хвосты заработали, что твои мельничные колеса в половодье, один чавк слышался...

Генри рискнул попробовать стряпню принцессы. Оказалось вполне съедобно, уж получше, чем у него. Откуда бы ей уметь готовить? Да еще на костре? Да из таких припасов?

– Тони, – позвал он, когда она вернулась от ручья. Котелок сиял, начищенный песком, впервые за много дней. Черт бы ее побрал, эту принцессу, она не должна уметь подобных вещей! Но умеет... – Гхм... ты...

– Мы часто выезжали на охоту, – ровным тоном произнесла она. – Мой отец считал, что его дочь должна уметь то же, что умел бы сын. Я не смогу приготовить праздничный обед на десяток персон, но состряпать на костре похлебку в состоянии. Я даже могу освежевать дичь и выпотрошить ее, – добавила она, помолчав.

Генри преисполнился небывалого уважения к покойному королю.

– Во всяком случае, готовишь ты куда лучше меня, – сказал он искренне.

– Что ж, это обязанность женщины, – пожала она плечами.

– Но ты не просто женщина. Ты принцесса и...

– Ценный приз. Я помню, – усмехнулась девушка. – Но я не собираюсь есть то, что готовишь ты, уж прости. Удивляюсь, как твои собаки это переваривают!

– Они привычные... – пробормотал Генри.

– Чем ты их вообще кормишь? – поинтересовалась принцесса.

– Ничем. Сами охотятся, – ответил он. – На кой мне псы, которых еще и кормить надо? Самому бы найти пропитание!

– Ясно, – усмехнулась она. – У меня тоже были такие...

– У тебя? – нахмурился Генри. – У тебя там маленькая такая шавочка лежала, если судить по косточкам... прости.

– Это дворцовая пустилайка, – пожала принцесса плечами. – На псарне остались настоящие собаки. Гончие. Волкодавы. Жаль...

– Еще бы... – Это Генри понимал.

Похоже, папаша у принцессы был суровый, раз таскал дочку с собой на охоту и велел выучиться стряпать. А что, не лишнее умение, вот так отправят в изгнание, и крутись, как знаешь! И еще – он сразу обратил внимание на то, как она обращается с собаками: даже не попыталась заискивать с ними, прикормить, приласкать, вообще делала вид, что не замечает их, не задевала. В общем-то, лучшая линия поведения с такими псами, но... откуда бы знать принцессе, что такое обученные боевые псы? Знала, оказывается. Гончие, волкодавы... наверно, нашлось на псарне место и таким, как Звон с Громом. Тогда понятно. И все яснее становится, что эта девушка – не нежный цветочек.

[Купить полную версию книги](#)